

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

Такъ какъ въ первой книгѣ изложено не столько положительное понятіе о справедливости, сколько отрицательное; то Главконъ и Адимантъ,—защитники несправедливости, требуютъ, чтобы Сократъ представилъ достаточныя основанія, по которымъ справедливость должна быть предметомъ любви сама по себѣ, независимо отъ соединенной съ нею пользы. Р. 357—367 Е. Тогда Сократъ, похваливъ ихъ за ревность и замѣтивъ, что они для того-то и защищаютъ несправедливость, что хотятъ отчетливѣе узнать этотъ предметъ, приступаетъ къ изслѣдованію природы справедливости и несправедливости, съ намѣреніемъ указать потомъ пользу той и другой. Р. 367 Е—368 А. Но справедливость можетъ проявляться какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣломъ государствѣ; поэтому, чтобы лучше рассмотретьъ ея природу, надобно прежде рѣшить вопросъ: что такое она въ нѣдрѣ государства?—и рѣшить, смотря на государство только рождающееся, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и рожденіе справедливости. Р. 368 А — 369 А. Итакъ въ слѣдующемъ теперь разсужденіи Сократъ предполагаетъ *какбы создать государство, ради усмотрѣнія, съ чего оно начинается.* Государство рождается, говоритъ, отъ недостаточности человѣка самого для себя; такъ что каждое недѣлимое имѣетъ нужду въ помощи другаго. Стало быть, прежде всего необходимо знать, что нужно человѣку, чтобы онъ жилъ. Для жизни, во-первыхъ, нужна пища, безъ которой поддерживать существованіе невозможно; потомъ нужны:—жилище и одежда, чтобы защитить тѣло отъ стужи и зноя; кромѣ того для удовлетворенія тѣлеснымъ его нуждамъ требуется и многое другое. Поэтому госу-

дарство, если смотрѣть на то, что ему существенно необходимо, должно состоять изъ земледѣльцевъ, плотниковъ, ткачей, кожевниковъ и многихъ другихъ мастеровъ, которыхъ занятія и искусства обязаны поддерживать жизнь гражданъ. Всѣ такіе мастера будутъ каждый дѣлать свое дѣло—съ тѣмъ, чтобы своими занятіями помогать другъ другу; и въ самыхъ этихъ дѣлахъ ихъ можно уже будетъ замѣтить начало справедливости и несправедливости. Р. 369 А—372 А. Но развитіе ихъ еще болѣе обнаруживается въ способахъ жизни людей, вступающихъ въ общезжитіе. Вѣдь и при нарочитой простотѣ жизни, нужны многія вещи, служащія къ ея изяществу и украшенію. Посему необходимо, чтобы мало-по-малу родились роскошь и нѣга, хотя это, конечно, есть уже признакъ государства испорченнаго. А отсюда произойдетъ то, что представится нужда во многихъ художникахъ, которые своими занятіями будутъ удовлетворять не необходимымъ потребностямъ, а удобствамъ жизни,—и число гражданъ отъ того естественно увеличится. Но съ увеличеніемъ ихъ, для легчайшаго удовлетворенія желаніямъ всѣхъ, придется вести войны съ пограничными государствами; а при этомъ понадобится *сословіе воиновъ*, безъ котораго безопасность и благосостояніе общества обезпечены быть не могутъ. Прочимъ же гражданамъ заниматься воинскими дѣлами неудобно; ибо тогда какъ всякій изъ нихъ занимается собственнымъ своимъ дѣломъ, у нихъ не будетъ ни возможности, ни способности успѣшно вести войну. Р. 372 А — 374 D. Но чѣмъ важнѣе и благодѣтельнѣе обязанность тѣхъ, которые должны охранять государство, тѣмъ нужнѣе особенная внимательность при выборѣ ихъ, чтобы, то-есть, для этой цѣли предпочитаемы были люди, по природѣ и свойствамъ, весьма годные для веденія войны. Къ числу ихъ надобно относить тѣхъ, которые одарены острою чувствъ, быстротою ногъ, крѣпостію силъ и нѣкоторою горячностію души. Р. 374 D—375 E. А это потребуетъ великой заботливости и осторожности. Такъ какъ требующая здѣсь сила и горячность души легко можетъ переродиться въ дерзость въ отношеніи къ прочимъ гражданамъ; то надобно всячески стараться давать воинамъ такое воспитаніе, посредствомъ котораго въ нихъ съ тѣми добродѣтелями совмѣщались бы —

кротость и любовь къ мудрости. Тѣло ихъ надобно развивать гимнастикою, а душу—музыкою. Къ музыкѣ прежде всего относятся разнаго рода рѣчи. Изъ рѣчей однѣ—истинныя, а другія исполнены лжи и обмана. Этихъ послѣднихъ надобно всячески беречься, какъ бы не заразили онѣ дѣтскихъ душъ, особенно если будутъ обаять ихъ пустыми разсказами поэтовъ. Посему изъ поэтовъ надобно старательно избирать тѣ сказанія, которыя могутъ быть переданы дѣтямъ, не вредя чувству честности; наполненныя же ложью нужно отвергать и всячески скрывать. Сюда относится многое, что разсказано Омвромъ, Исидомъ и иными поэтами, которые приписали богамъ такія дѣла, какія вовсе не достойны божественной природы. Они говорятъ, напримѣръ, что Уранъ и Кроносъ постыдно лишены царства, что боги нерѣдко совершаютъ дѣла самыя безчестныя и питаютъ сильную другъ къ другу вражду. При выборѣ разсказовъ для чтенія дѣтямъ, надобно имѣть въ виду то, чтобы они помогали пробужденію, развитію и укрѣпленію добродѣтели. Итакъ требуется, чтобы Богъ описываемъ былъ въ нихъ такимъ, каковъ Онъ дѣйствительно, то-есть добрымъ; требуется также, чтобы Онъ не выставлялся какъ обморочиватель, принимающій разные виды, тогда какъ природа его проста,—по высотѣ и превосходству добродѣтели, не подлежитъ никакимъ переменамъ. Да и нечестиво думать, будто Богъ принимаетъ разные образы, чтобы обманывать людей; потому что Онъ — высочайшая истина, чуждая всякой лжи. Р. 375 E — 383 E.

КНИГА ВТОРАЯ.

357. Сказавъ это, я думалъ, что уже избавился отъ разговора; однакожь открылось, что то было только вступленіе, ибо Главконъ, по обычаю всегда и для всего мужественный, не одобрилъ даже и теперь отказа Тразимахова, но В. сказалъ: Сократъ! Неужели ты хочешь, чтобы мы казались убѣжденными, или дѣйствительно повѣрили, что во всякомъ случаѣ лучше быть справедливымъ?—Да, въ самомъ дѣлѣ хотѣлось бы, отвѣчалъ я, еслибы это было по моимъ силамъ.—Такъ ты не дѣлаешь того, чего хочешь, возразилъ онъ. Скажи-ка мнѣ ¹, не представляется ли тебѣ благо чѣмъ-либо такимъ, что мы желали бы имѣть, стремясь не къ слѣдствіямъ, изъ того вытекающимъ, но любя желаемый предметъ ради его самого? Напримѣръ, мы желали бы наслаждаться радостію ² и неподдѣльными удовольствіями, хотя изъ

¹ Здѣсь Платонъ различаетъ три рода благъ: одни тѣ, которыя бываютъ предметомъ нашихъ стремленій сами по себѣ, независимо отъ того, приносятъ ли они пользу или не приносятъ; другія—тѣ, которыя пріятны намъ и сами по себѣ, и по своимъ слѣдствіямъ или по проистекающей отъ нихъ пользѣ; третьи—тѣ, которыя сами по себѣ не заслуживаютъ избранія, за то полезны въ будущемъ. Справедливость подводится Сократомъ подъ вторую категорію благъ. *Plotin. Ennead. Lib. VII, I. Apul. de Dogm. Plat. II. init.*

² *Неподдѣльными удовольствіями* — *ὅσαι ἀβλαβεῖς*, которыя, то есть, не сопровождаются никакими непріятными ощущеніями, или не ослабляются какою примѣсью скорбныхъ впечатлѣній.

нихъ для времени послѣдующаго не вытекаетъ ничего, кромѣ радости того лица, которое ими наслаждается. — Да, мнѣ представляется оно чѣмъ-то такимъ, отвѣчалъ я. — А что? С. не благо ли и то, которое мы любимъ и ради его самого, и ради его слѣдствій? Напримѣръ, умствованіе, зрѣніе, здорovie: вѣдь это пріятно намъ, должно быть, по той и другой причинѣ. — Да, сказалъ я. — Но не видишь ли, спросилъ онъ, и третьяго рода блага, къ которому относятся и тѣлесныя упражненія, и пользованіе больнаго, и врачеваніе, и, кромѣ того, собираніе денегъ? Эти занятія можно назвать трудными, однако полезными для насъ, и мы, конечно, не хотѣли D. бы предпринимать ихъ для нихъ самихъ, а предпринимаемъ за плату и ради другихъ выгодъ, которыя изъ того истекаютъ. — Точно, это третій родъ, сказалъ я; такъ что жъ? — Въ которомъ изъ нихъ, спросилъ онъ, поставляешь ты справедливость? — По моему мнѣнію, отвѣчалъ я, она заключается въ родѣ превосходнѣйшемъ, — именно въ томъ, кото- 358. рый всякому, желающему счастья, долженъ быть любезенъ и ради его самого, и ради его слѣдствій. — Однакожъ, большинству людей кажется не это, сказалъ онъ; люди ставятъ справедливость въ родѣ трудномъ, которымъ надобно заниматься для платы и извѣстности, производимой молвою; а сама по себѣ ¹, она должна быть отвергаема, какъ дѣло тяжелое. — Знаю, что такъ кажется, продолжалъ я, и Тразимахъ давно уже порицаетъ ее за это, а несправедливость хвалить: но видно я какъ-то тупоумень. — Пстой-ка, сказалъ онъ, выслушай и меня; не то же ли покажется тебѣ В. самому? Тразимаха-то ты очаровалъ, будто змѣя ², повиди-

¹ Справедливость, сама по себѣ, — дѣло трудное, потому что требуетъ самопожертвованія и отреченія отъ собственныхъ выгодъ; поэтому большинство отвергаетъ ее. Но, при всемъ томъ, никто не отказывается отъ воздаянія за справедливость и отъ славы, которою она бываетъ увѣнчиваема: всякому хочется слыть справедливымъ; а быть несправедливымъ никто не хочетъ. Выгоды хороши, да самое дѣло-то трудно: всѣ ищутъ заработка, только стараются получить его безъ работы.

² Тразимахъ, обнаружившій себя въ бесѣдѣ съ Сократомъ, какъ человекъ Соч. Плат. Т. III.

тому, слишкомъ скоро; а мнѣ изслѣдованіе того и другаго предмета все еще не по мысли. Я желаю слышать, что такое—объ онѣ ¹, и какую силу имѣеть предметъ самъ по себѣ, находясь въ душѣ, а вознагражденія и то, что за ними слѣдуетъ, оставляю. Такъ вотъ что хочу я сдѣ-

C. лать, если и тебѣ будетъ угодно: я возобновлю рѣчь Тразимаха и скажу, — во-первыхъ о томъ, какую называютъ и откуда производять справедливость; во-вторыхъ о томъ, что всѣ, которые исполняютъ ее, исполняютъ невольно, не какъ дѣло доброе, а какъ необходимое ²; въ-третьихъ о томъ, что такая дѣятельность нужна, поколику жизнь несправедливаго, какъ говорятъ, много лучше жизни справедливаго. Хотя мнѣ-то, Сократъ, и несовсѣмъ такъ кажется; однакожъ, слушая Тразимаха и тысячи другихъ, я, оглушенный ими, нахожусь въ недоумѣніи; доказа-

D. тельствъ же въ пользу справедливости, что, то-есть, она лучше несправедливости, чего желаю, ни отъ кого не слыхаль. Такъ вотъ мнѣ хочется слышать похвалу тому, что называется само по себѣ, и особенно повѣрилъ бы въ этомъ, думаю, твоему изслѣдованію. Посему я буду настойчиво превозносить жизнь несправедливую и, говоря о ней, укажу тебѣ тотъ способъ, которымъ ты, сообразно

взорчивый и язвительный, весьма кетати уподобляется змѣю. Но у Грековъ было повѣрье, что змѣя можно заговорить таинственною силою нѣкоторыхъ словъ; и такимъ заговаривателемъ представляется теперь Сократъ. О преданіи касательно укрощенія змѣй заговорами, см. *Muretum* ad h. l. Interpr. ad Virgil. Eclog. VIII, v. 71.

¹ То-есть, справедливость и несправедливость, *ἐκείνων*.

² Главконъ предполагаетъ, что всякая добродѣтель есть дѣло свободное и принужденія не терпитъ: но справедливость представляется ему дѣятельностию, условливающеюся законами общества, слѣдовательно необходимою; а потому справедливость, разсматриваемая сама въ себѣ, не есть добродѣтель. Это кажется Главкону достаточною опорю его недоумѣній, и онъ хочетъ, чтобы Сократъ разрѣшилъ ихъ. Ученіе софистовъ, что по природѣ нѣтъ никакихъ законовъ, что всѣ они—дѣло необходимости и постановляются въ видахъ пользы и защиты людей слабыхъ отъ сильныхъ,—это ученіе приводится и опровергается во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона. См. *Gorg.* p. 483 A sgg. *Protag.* p. 337 E. *Legg.* X, p. 889, 890.

съ моимъ желаніемъ, долженъ будешь въ свою очередь порицать несправедливость и хвалить справедливость. Но смотри, согласенъ ли ты на то, чего я хочу? — Всего болѣе, Е. отвѣчалъ я. Чѣмъ особенно и наслаждаться разумному существу, какъ не возможностью часто говорить и слышать объ этомъ?—Прекрасно сказано, замѣтилъ онъ; слушай же, я начинаю, какъ обѣщался, изслѣдованіемъ того, какова справедливость и откуда она произошла.

Хотя обыкновенно говорятъ такъ, что дѣланіе несправедливости есть добро, а испытываніе ея—зло; однакожь, у испытывающаго несправедливость избытокъ зла больше, чѣмъ у дѣлающаго ее—избытокъ добра. Посему, когда люди стали дѣлать несправедливость другъ другу и испытывать ее другъ отъ друга—отвѣдывать одно и другое; тогда, не могли избѣгать послѣдняго и избирать первое, нашли ^{359.} полезнымъ условиться между собою, чтобы и не дѣлать несправедливости, и не испытывать ея. При этихъ-то условіяхъ начали они постановлять законы и договоры и предписаніе закона называть законнымъ и справедливымъ. Вотъ каково происхожденіе и существо справедливости: она находится въ срединѣ между самымъ лучшимъ, когда дѣлающій несправедливость не подвергается наказанію, и самымъ худшимъ, когда испытывающій несправедливость не въ силахъ отмстить за себя. И это справедливое, находящееся въ срединѣ между двумя крайностями, вождельнно не какъ В. благо, а какъ нѣчто уважительное для человѣка, неимѣющаго силы дѣлать несправедливость. Напротивъ, кто можетъ дѣлать ее, тотъ истинно мужъ,—тотъ не будетъ ни съ кѣмъ входить въ договоры касательно дѣланія и испытыванія несправедливости: развѣ онъ съ ума сойдетъ! Это и такова-то природа справедливости, Сократъ; вотъ источникъ, изъ котораго она, какъ говорятъ, проистекла.

А что и исполнители справедливости исполняютъ ее невольно, отъ безсилія дѣлать несправедливость, это мы легко замѣтимъ, если тому и другому, — справедливому и не- С.

справедливому мысленно дадимъ волю дѣлать, что угодно, и потомъ будемъ слѣдовать за ними наблюденіемъ, куда желаніе поведетъ каждаго изъ нихъ. Мы схватимъ справедливаго на одномъ и томъ же дѣлѣ съ несправедливымъ: движась любостыжаніемъ, и онъ идетъ къ тому, къ чему, какъ къ благу, обыкновенно стремится всякая природа; а законъ и сила отвлекають его къ уваженію мѣрности. Дай только имъ, говорю, столько же воли, сколько было, какъ

D. рассказываютъ, у Гигеса, предка Крезова. Гигесъ ¹ былъ пастухъ, нанятый тогдашнимъ правителемъ Лидіи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пасъ онъ стадо, по случаю проливнаго дождя и землетрясенія, треснула нѣсколько земля и появилась разсѣлина. Видя это и удивившись, онъ сошелъ въ нее и тамъ, кромѣ другихъ чудесъ, нашель, говорятъ, мѣднаго коня, который былъ пустъ и съ дверями. Заглянувъ внутрь, онъ замѣтилъ въ конѣ мертвеца, ростомъ, казалось, выше чело-
вѣка. У мертвеца не было ничего, кромѣ золотого перстня на

E. пальцѣ: снявъ этотъ перстень, Гигесъ вышелъ. Такъ какъ всѣ пастухи обыкновенно сходились въ извѣстное мѣсто, чтобы каждый мѣсяцъ отправлять къ царю посланниковъ и доносить ему о состояніи стада, то отправился туда и Гигесъ съ перстнемъ на рукѣ. Сидя съ прочими пастухами, онъ случайно повернулъ перстень камнемъ къ себѣ, внутрь

360. руки, и тотчасъ для сидѣвшихъ съ нимъ людей сталъ не-
видимъ; такъ что они начали говорить о немъ, будто о чело-
вѣкѣ вышедшемъ. Гигесъ изумился, снова взялся за перстень, повернулъ его камнемъ наружу и, повернувши,

¹ О кольцѣ Гигеса говоритъ Платонъ и въ другомъ мѣстѣ L. X, p. 612 B; упоминають о немъ также *Cicer.*—*De Offic.* III, 9, *Philostrat.*—*Heroic.* p. 28, ed. Boiss. Но иначе рассказываетъ объ этомъ *Herodot.* 1, с. 8., хотя и у него имѣется въ виду, безъ сомнѣнія, лидійскій же царь. О неодинаковости рассказовъ см. *Creuzer.* ad *Historicor. Gr. antiquissim. Fragm.* p. 204. Впрочемъ различіе чтеній этого мѣста (*Vulg.* τῷ Γύγῳ, *Vat. m.* τοῦ Γύγῳ. *Angel. et Flor.* X τῷ Γύγῳ τοῦ Λυδοῦ) позволяетъ догадываться, что τοῦ Λυδοῦ *προϋβῶν* есть глоссема, и что подлинное выраженіе Платона было: τῷ Γύγῳ; потому что ни у одного писателя, который имѣлъ въ виду это мѣсто, означенная прибавка не встрѣчается.

сдѣлался видимымъ. Замѣтивъ это, онъ пробуетъ перстень, не скрывается ли въ немъ такой силы, и ему приключается всегда то же самое: повертывая камень внутрь, онъ становится невидимымъ, а наружу, — видимымъ. Понявъ это, онъ тотчасъ обработалъ дѣло такъ, что назначенъ былъ въ числѣ посланниковъ идти къ царю; пришедши же къ нему, B. обольстилъ его жену и, вмѣстѣ съ нею, напавъ на царя, умертвилъ его и удержалъ за собою власть. И такъ, еслибы было два перстня, и одинъ на рукѣ справедливаго, а другой — несправедливаго; то никто, какъ надобно полагать, не былъ бы столь адамантовымъ, чтобъ остался вѣрнымъ справедливости, рѣшилъ воздерживаться отъ чужаго и не прикасаться къ нему, тогда какъ имѣетъ возможность и на площади, безъ опасенія, брать, что ему угодно, и входя въ C. дома, обращаться, съ кѣмъ захочетъ, и убивать или освобождать отъ оковъ, кого вздумаетъ, и дѣлать все прочее, будто богъ между человѣками. Поступая же такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ ни чѣмъ не отличался бы въ дѣйствіяхъ отъ другаго; но оба шли бы къ одинакой цѣли. Такъ это можно почитать сильнымъ доказательствомъ, что никто не бываетъ справедливъ по своей волѣ, но всякій — по принужденію: ибо лично ни одинъ человѣкъ не добръ; потому что, гдѣ только кто-нибудь находитъ возможность обидѣть, — обижаетъ. Самъ по себѣ, каждый думаетъ ¹, что D. несправедливость гораздо полезнѣе справедливости, и по убѣжденію человѣка, рассуждающаго объ этомъ, думаетъ вѣрно; ибо кто, получивъ такую возможность, не захочетъ дѣлать никакой несправедливости и не прикасается къ чужому, тотъ людямъ, знающимъ это, долженъ показаться человѣкомъ самымъ жалкимъ и безумнымъ, хотя, изъ опасенія обиды, обманывая одинъ другаго, они и хвалятъ его другъ другу. Такъ вотъ такъ-то.

¹ Это прибавляетъ Главконъ въ той мысли, что онъ высказываетъ не собственное свое мнѣніе, а говоритъ, какъ вообще бываетъ, утверждая, что жизнь снуется вовсе не на тѣхъ началахъ, на которыхъ захочетъ основать ее Сократъ.

Что же касается до сужденія о жизни въ разсматриваемыхъ нами отношеніяхъ, то мы будемъ правильно судить о ней, если противоположимъ самаго справедливаго самому несправедливому, а когда не противоположимъ, то неправильно. Но въ чемъ состоитъ ихъ противоположность? Вотъ въ чемъ: мы нисколько не отвлечемъ ни справедливости отъ справедливаго, ни несправедливости отъ несправедливаго, напротивъ, представимъ обоихъ совершенными въ ихъ качествахъ. Потомъ пусть сперва дѣйствуетъ несправедливый и дѣйствуетъ съ достоинствомъ отличныхъ мастеровъ. Какъ наилучшій кормчій или врачъ отличаетъ въ своемъ искусствѣ возможное отъ невозможнаго и одно предпринимаетъ, а другое оставляетъ; да сверхъ того, если и ошибается въ чемъ-нибудь, то умѣетъ поправиться: такъ и несправедливый, рѣшаясь сдѣлать неправду правильно, долженъ постараться скрыть ее, если хочетъ быть сильно несправедливымъ. Кто пойманъ, тотъ плохъ. Крайняя несправедливость состоитъ въ томъ, что несправедливый кажется справедливымъ. Итакъ, совершенно несправедливому надобно предоставить совершенную несправедливость, надобно—не отвлекать отъ него, а позволить ему величайшими неправдами приобрѣсть себѣ величайшую славу справедливости. Пусть онъ будетъ въ состояніи поправиться, если и ошибется въ чемъ-нибудь, пусть будетъ способенъ убѣдительно говорить, если обнаружатся его неправды, или, пользуясь мужествомъ и силою, обществомъ друзей и богатствомъ, пусть онъ употребитъ насилие, гдѣ оно бываетъ нужно. Представляя себѣ такимъ несправедливаго, противоположимъ ему мысленно справедливаго, то-есть человѣка простосердечнаго и благороднаго, который, по словамъ Эсхила¹, хочетъ не казаться, а быть добрымъ. Показность надобно отвлечь отъ него: вѣдь если-

¹ Это высказываетъ Эсхилъ въ слѣдующихъ стихахъ (in Septem. c. Theb. v. 577): οὐ γὰρ δοκεῖν δίκαιος, ἀλλ' εἶναι θεῶν, βασιταν ἄλλακα διὰ φρενὸς καρπούμενος, ἕξ ἧς τὰ κείνὰ βλαπτάνει βουλευματα. Переводъ этихъ стиховъ см. далѣе р. 362 А.

бы онъ казался справедливымъ, то ему, кажущемуся такимъ, воздавали бы почести и награды; а тогда было бы неизвестно, ради ли справедливости онъ таковъ, или ради наградъ и почестей. Итакъ, надобно отнять у него все, кромѣ справедливости, и поставить его въ состояніе противоположное состоянію перваго: то-есть, не дѣлая никакой неправды, пусть онъ прослыветъ въ высшей степени неправеднымъ; пусть онъ будетъ испытываемъ въ своей справедливости тѣмъ, что не трогается худою молвою и ея слѣдствіями; пусть онъ останется неизмѣненъ до смерти, про- вода, повидимому, жизнь несправедливую, а въ самомъ дѣлѣ будучи справедливымъ, чтобы, когда оба они дойдутъ—одинъ до послѣдней степени справедливости, а другой—несправедливости, можно было судить, который изъ нихъ счастливѣе.

Охъ, любезный, Главконъ, сказалъ я, какъ сильно отполировалъ ты, будто статую ¹, cadaго изъ этихъ мужей, желая сдѣлать ихъ предметомъ сужденія! — Сколько могъ болѣе, примолвилъ онъ. И если они таковы, то уже нетрудно, думаю, изслѣдовать, какъ должна проходить жизнь того и другаго. Мы скажемъ объ этомъ. Впрочемъ, если слова мои довольно жестки, то не думай, Сократъ, что это говорю я; говорятъ тѣ, которые предпочитаютъ несправедливость справедливости: они полагаютъ, что такого праведника будутъ сѣчь, пытать и держать въ оковахъ, что ему выжгутъ и выколютъ глаза, и что наконецъ, испытавъ всѣ роды мученій, онъ пригвожденъ будетъ ко кресту и узнаетъ, что человѣку надобно хотѣть не быть, а казаться праведникомъ. Слѣдовательно, тѣ слова Эсхила гораздо вѣрнѣе было бы приложить къ несправедливому. Вѣдь и дѣйствительно говорятъ, что несправедливый, ста-

¹ Какъ сильно отполировалъ ты, будто статую, *ὡς ἐρρωμένως... ἐκκαθαίρεις ὡς περ ἀνδρίωντα*. Этими словами Сократъ указываетъ на высшую степень отвлеченія понятій о справедливости и несправедливости, или на выдѣленіе всего, что можетъ принадлежать той и другой случайно. Въ такомъ значеніи употребляется *ἐκκαθαίρειν* и у писателей позднѣйшихъ. ² *Ἐκκαθαίρειν* значитъ выдѣлнить изъ предмета все ему чуждое, или довести его до совершенной чистоты.

раясь о дѣлѣ, заключающемъ въ себѣ истину, и живя не для молвы, хочеть не казаться, а быть несправедливымъ:

Черта глубокая, рожденная умомъ.

Изъ ней-то мудрыя желанья вытекають—

- В. сперва, представляясь справедливымъ, получить правительственную должность въ городѣ, потомъ жениться, гдѣ будетъ угодно, выдать замужъ, за кого захочется, входить въ связи и сношенія, съ кѣмъ вздумается, и, кромѣ всего этого, съ прибрѣтаемыми выгодами соединять еще пользу спокойствія при нанесеніи обидъ; вступая въ споры, преодолѣвать частно и публично своихъ непріятелей и брать надъ ними верхъ; взявши же верхъ, богатѣть и благо-
 С. дѣлствовать друзьямъ, а врагамъ вредить; съ довольствомъ и пышностію приносить богамъ жертвы и возлагать на жертвенникъ дары,—вообще, чтить боговъ и кого захочется изъ людей, — гораздо лучше, чѣмъ чтить справедливый; такъ что и богамъ-то онъ, повидимому, долженъ быть гораздо пріятнѣе справедливаго. Такимъ образомъ несправедливому, Сократъ, и отъ боговъ и отъ людей достается жить лучше, говорятъ, чѣмъ справедливому.

- Когда Главконъ кончилъ, я думалъ было сказать нѣчто
 D. противъ его словъ; но братъ Главкона, Адимантъ, обратился ко мнѣ: ужъ не думаешь ли ты, Сократъ, что объ этомъ предметѣ сказано удовлетворительно?—А что? спросилъ я. —Вотъ что, отвѣчалъ онъ: не сказано того, что сказать особенно надлежало. — Но вѣдь, по пословицѣ, братъ къ брату спѣшить на помощь ¹, примолвилъ я: такъ и ты помоги ему, если онъ что пропустилъ; хотя, чтобъ меня-

¹ Ἀδελφὸς ἀνδρὶ παρῆν. Схولیастъ о происхожденіи этой пословицы говоритъ такъ: παρῆται δὲ ἴσως παρὰ τὸ Ὀμηρικόν. Ἦ τι κασιγνήτοις ἐπιμέμφεται, οἷσι περ ἀντὶρ Μαρναμένοισι πέποιθε, καὶ εἰ μέγα νεῖκος ὄρηται. Напротивъ, Муреть производитъ ее изъ того, что Скамандръ, въ Иліадѣ Ф', не имѣя силъ сражаться съ Ахиллесомъ, зоветъ на помощь брата Симоиса: φίλε κασίγνητε, σθένος ἀνέρος ἀμφοτέροί περ στήμιεν. Но это не единственное мѣсто, въ которомъ Платонъ ссылается на означенную пословицу. Въ своемъ Эвтидемѣ онъ самъ объясняетъ ея происхожденіе. См. p. 297 C sqq.

то сбить съ ногъ и поставить въ невозможность помочь справедливости, довольно и того, что уже высказано. — Пустяки, продолжалъ онъ; а вотъ выслушай-ка слѣдующее: Е.
 Тѣ противоположныя мнѣнія, о которыхъ говорилъ Главконъ, то-есть мнѣнія людей, хвалящихъ справедливость и порицающихъ неправду, мы должны еще болѣе раскрыть, чтобы мысль, которую, какъ мнѣ кажется, онъ имѣлъ въ виду, чрезъ то сдѣлать яснѣе. Отцы и всѣ, имѣющіе о комъ-нибудь попеченіе, конечно, говорятъ и внушаютъ дѣтямъ, что надобно быть справедливымъ, но выхваляютъ въ этомъ случаѣ не саму по себѣ ¹ справедливость, а про- 363.
 истекающую изъ ней добрую молву, то-есть, что человѣку, кажущемуся справедливымъ, чрезъ эту показность, достаются и правительственныя должности, и супружество, и все, что сейчасъ производилъ Главконъ отъ доброй молвы о несправедливомъ. О выгодахъ-то молвы рассказы ихъ простираются еще далѣе. Присоединяя къ этому и добрую молву у боговъ, они перечисляютъ множество благъ, которыя боги, по ихъ мнѣнію, даруютъ людямъ благочестивымъ, какъ говорятъ благородный Исїодъ и Омиръ. Первый,—что для праведныхъ боги сотворили дубы, В.

Окрайности ² коихъ полны желудей, а стволы съ пчелами;
 Богатая шерстью овца, говоритъ онъ, руномъ бременѣтъ.
 Много и иныхъ благъ получается отъ нихъ. Подобное это-
 му находимъ также и у другаго:

Какъ ³ царь непорочный какой и богу подобный,

Онъ правду хранитъ;—за то черная почва ему выращаетъ

¹ Не саму по себѣ справедливость, οὐκ αὐτὸ δίκαιοσύνην. Въ этомъ мѣстѣ αὐτὸ, не смотря на замѣчаніе *Matthæi Gramm. Ampl. p. 821, ed. 2.*, не должно быть отдѣляемо запятою; потому что у Платона оно часто соединяется съ существительными именами всѣхъ родовъ. Отсюда слѣдующіе платоніки образовали сложныя слова: αὐτοάνδρως, αὐτοαγαθόν, αὐτοέν и др. *Parmen. p. 130 В: οὐτὸ ὁμοίως, χωρὶς ἤ ἡμεῖς ὁμοίως ἔχομεν. Theæt. p. 146 E: ὑβάναι ἐπιστήμην οὐτὸ δ τί ποτ' ἔστιν.* Значеніе этого мѣстоименія въ соединеніи съ именемъ внослѣдствіи объясняетъ самъ философъ: πατέρα, αὐτὸ τοῦτο ὅπερ ἔστιν.

² Стихи *Hesiod. Opp. et DD. V, 230.*

³ Стихи *Homær. Odys. XIX, 109 sqq.*

- С. И рожь, и ячмень, дерева бременяютъ плодами,
Животныя носятъ дѣтей, а моря даютъ рыбу.
- Музей же и его сынъ ¹ рассказываютъ, что справедливымъ боги даруютъ блага, еще отличнѣе этихъ. Въ своемъ разсказѣ они ведутъ благочестивыхъ въ преисподнюю ², приготавливаютъ имъ возлежаніе и пиръ и, увѣнчавши ихъ, за-
- D. ставляютъ все послѣдующее время проводить въ пьянствѣ, полагая, что самая лучшая награда добродѣтели есть вѣчное пьянство. А другіе въ описаніи наградъ, назначенныхъ богами, простираются еще далѣе: они говорятъ, что боги будутъ сохранять и дѣтей, и цѣлое поколѣніе человѣка благочестиваго и вѣрнаго клятвѣ. Этимъ-то и подобнымъ этому превозносятъ они справедливость. Напротивъ, людей нечестивыхъ ³ и несправедливыхъ закапываютъ въ преисподней въ какую-то грязь и заставляютъ
- E. ихъ носить рѣшетомъ воду. Окружая ихъ еще въ здѣшней жизни худою молвою, какъ говорилъ Главконъ о наказаніи справедливыхъ, прославившихъ несправедливыми, они то же самое утверждаютъ о несправедливыхъ и болѣе этого ничего сказать не могутъ. Такова похвала и порицаніе тѣхъ и другихъ.

Сверхъ того размотри, Сократъ, и другой родъ раз-

¹ О жизни и стихотвореніяхъ Музея см. *Passow. Praefat. ad Musæum*, p. 21 sqq. Сынъ его былъ, говорятъ, Евмолпъ: онъ изъ Эракіи прибылъ въ Аттику и учредилъ тамъ элевзинскія таинства. Поэтому въ Афинахъ каста, завѣдывавшая религиозными обрядами, носила имя Евмолпидовъ. *Creuzer. Symbol. T. IV*, p. 342 sqq. Эти-то Евмолпиды здѣсь и подвергаются насмѣшкамъ.

² Стихотворенія древнихъ поэтовъ наполнены множествомъ рассказовъ о веселой жизни, проводимой въ преисподней; *Virgil. Aen. VI*, v. 637 sqq. *Heynius. Georgic. I*, v. 36. *Pindar. Olymp. 11*, v. 105 sqq. Особенно авторъ Аксіоха, приписываемаго Эсхину, p. 164. Впрочемъ *Плутархъ* (vit. Luculli p. 521 E), по замѣчанію *Виттенбаха* (ad. Opp. Morg. T. II p. 120 C), остроумно относитъ это къ старости Луккулла. *Εὐωχίας καὶ πότους, ὡς περὶ ὁ Πλάτων ἐπισκόπτει τοὺς περὶ τὸν Ὀρφέα τοῖς εὐ βεβιωκόσι φάσκοντας ἀποκείσθαι γέρας ἐν Ἄιδου μέθην αἰώνιον.*

³ Сказанія поэтовъ о судьбѣ нечестивыхъ въ преисподней см. *Valckenar. ad. Nurrhol. v. 25*. Впрочемъ и самъ Платонъ въ своемъ Федонѣ (p. 69 C) довольно подробно описываетъ состояніе ихъ. *Ἀλλὰ τῷ ὄντι πάσαι αἰνίσσεται ὅτι, ὅς ἂν ἀμύητος καὶ ἀτέλεστος εἰς Ἄιδου ἀρῆκται, ἐν βορβόρω χεῖσται.*

суждений о справедливости и несправедливости повторяемых и въ сочиненіяхъ прозаическихъ, не менѣе, чѣмъ въ поэтическихъ ¹. Всѣ одними устами твердятъ, что разсудительность и справедливость — дѣло похвальное, хотя конечно, тяжелое и трудное; а безнравственность и несправедливость имѣтъ пріятно и легко, только мнѣніе и законъ почитаютъ ихъ постыдными: неправды полезнѣе правдъ, говорятъ большею частію, и злонравныхъ богачей, или людей сильныхъ въ иномъ отношеніи, охотно соглашались называть счастливыми и уважать ихъ публично и частно; напротивъ, сколько-нибудь слабыхъ и бѣдныхъ уничтожаютъ и презираютъ, хотя признаютъ ихъ лучшими, чѣмъ В. другіе. Разсужденія всѣхъ послѣднихъ о богахъ и добродѣтели весьма удивительны: будто бы, то-есть, боги жизнь многихъ добрыхъ людей испестрили неудачами и бѣдствіями, а жизнь противоположныхъ имъ — противоположною участью. Между тѣмъ собиратели милостыни ² и предсказыватели, приходя къ дверямъ богатыхъ, увѣряютъ, что они владѣютъ данною себѣ отъ боговъ силою, посредствомъ жертвъ и священныхъ напѣваній ³, врачевать неправду всякаго среди утѣшеній и праздниковъ, — самъ ли онъ сдѣ- С. лалъ эту неправду, или его предки, и что, если кто хочетъ причинить зло какому-нибудь врагу, или съ малыми издержками нанести вредъ справедливому, какъ будто бы

¹ Въ сочиненіяхъ прозаическихъ, не менѣе, чѣмъ въ поэтическихъ, *idia te leuómeuon kai úpò ποιητῶν*, то-есть, *úpò ιδιωτῶν τε λευόμενον και úpò π. гдѣ ιδιώται* противопоставляются поэтамъ, какъ люди, говорящіе простою, обыденною, или прозаическою рѣчью.

² *Собиратели милостыни*, *ἀγύρται*, были бродящіе жрецы, или прислужники идола въ какомъ-нибудь капищѣ. Нося изображеніе того божества, которому служили, они бродили по городамъ и селамъ и дѣлали сборъ денегъ въ пользу капища, носимаго ими бога или богини. Въ этомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, обнаруживали они готовность совершать чудеса, и выдавали себя то за врачей, то за гадателей, что видно изъ настоящаго мѣста. См. *Ruhnken. ad Tim. Gloss. p. 10 ad Lucian. Dial. Mort. XXVIII.*

³ Священные напѣванія, *ἑπαιδαί* — нѣкоторые стихи, которымъ приписывали таинственную силу — дѣйствовать на людей въ случаѣ какихъ-нибудь болѣзней, или извѣстнаго настроенія нравственнаго.

онъ былъ несправедливъ, — они нѣкоторыми навожденіями и перевязками ¹ убѣдятъ боговъ служить имъ. И во всѣхъ этихъ словахъ свидѣлствуются поэтами, которые, воспѣвая ², напримѣръ, о легкости дѣлать зло, говорятъ:

Къ всякому злу ³ и толпою стремиться бываетъ нетрудно,
D. Дорога мягка, и зло обитаетъ весьма недалеко:

Напротивъ чело добродѣтели боги увлажнили потомъ—
и указали ей путь длинный и трудный. А что боги подчиняются водительство людей, они ссылаются на свидѣтельство Омира, который говоритъ ⁴:

Умолимы и самые боги,
Когда приношеніемъ жертвы, обѣтомъ смиреннымъ,
E. Вина возліаньемъ и дымомъ куреній смягчаютъ ихъ люди,
Молясь имъ о томъ, въ чемъ предъ ними виновны и грѣшны.

Они представляютъ кучи книгъ ⁵ Музея и Орфея, рожденныхъ, какъ говорятъ, Селиною и музами, и по этимъ книгамъ совершаютъ священные обряды, увѣряя не только частныхъ людей, но и цѣлыя общества, что, при помощи жертвъ, игръ и удовольствій, какъ живущіе получаютъ разрѣшеніе и очищеніе отъ неправдъ, такъ и умершіе, и это-то называютъ посвященіемъ, долженствующимъ избавить насъ

365.

¹ Навожденія и перевязки были таинственныя заклинанія боговъ или человѣческихъ душъ, *θεαγωγίαι καὶ ψυχαγωγίαι*; а заклинатели назывались *ψυχοπομποὶ γόητες*. Имъ приписываема была сила — то посредствомъ нѣкоторыхъ, шопотомъ произносимыхъ словъ, то посредствомъ магическихъ символовъ, вызывать демоновъ, если это требовалось на гибель кому-нибудь. Сравни. Legg. XI, p. 933 A. D. *Wittenbach*. ad Plutarch. Mor. p. 878. T. II, p. 178, ed. Lyps.

² *Воспѣвая*, по-гречески стоитъ *διδόντες*. Но Муретъ справедливо замѣтилъ, что вмѣсто *διδόντες* здѣсь должно читать *ἔδοντες*. Эту догадку подтверждаетъ и *Шеферъ* (ad Dionys. de composit. Verbor. p. 246), и указываетъ на *Valchenar*. ad Phoeniss. v. 1388; ad Herodot. p. 631, 38. *Herm.* ad Aristot. Poet. p. 163.

³ Стихи *Hesiod.* Opp. et DD. v. 285 — 99. Они приводятся Платономъ и въ разговорѣ de Legg. IV, p. 718 E.

⁴ Эти стихи читаются *Иад.* IX, 493 sqq.

⁵ Объ этихъ книгахъ Музея и Орфея, по которымъ совершаемы были священные орфическіе обряды, см. *Gesner.* Præf. ad Orpheum p. 47. *Fabricii* Bibl. Gr. T. I, p. 120.

отъ мученій въ будущей жизни. Напротивъ людей, не приносящихъ жертвъ, ожидаютъ ужасы.

Если же о добродѣтели и порогѣ, для показанія степени уваженія къ нимъ людей и боговъ, на сказано, любезный Сократъ, столь много дивнаго; то, слыша это, что, по нашему мнѣнью, должны дѣлать души юношей, одаренныхъ хорошими способностями и благонадежныя, которыя ко всякому разсказу какъ будто прилипаютъ, стараясь извлечь изъ него заключеніе, какимъ надобно быть и куда направ- В. виться, чтобы провести жизнь какъ можно лучше? Вѣроятно, юноша повторитъ про себя вопросъ Пиндара: путемъ ли правды, или излучинами обмана взойти мнѣ на высокую стѣну и оградиться ею, чтобы провести свою жизнь? Судя по разсказамъ, буду ли я справедливъ, не показываясь справедливымъ,—не получу, говорятъ, никакой пользы, но подвергнусь трудамъ и явнымъ напастямъ: напротивъ, несправедливому, прослывшему справедливымъ, приписывается чудесная жизнь. Итакъ, если показность, о С. которой говорятъ мнѣ мудрецы ¹, хоть и дѣлаетъ насиліе истинѣ ², тѣмъ не менѣе однакожь доставляетъ счастье; то надобно всецѣло обратиться къ ней,—надобно спереди очертаться тѣнью добродѣтели, какъ будто преддверіемъ или наружнымъ видомъ, а сзади влечь за собою пользолюбивую и хитрую лисицу мудраго Архилоха ³. Но злу, скажетъ кто-нибудь, нелегко всегда быть сокровеннымъ; отвѣчаемъ: нелегко также и всякое великое дѣло; стало быть

¹ Мудрецы, то-есть софисты, которые часто называются σοφοί.

² Показность дѣлаетъ насиліе истинѣ, τὸ δοκεῖν τὴν ἀλάθειαν βιάται. Самый характеръ рѣчи показываетъ, что это положеніе вводное: оно принадлежитъ Симониду и имѣло значеніе пословицы, которую Схолиастъ ad Euripid. Orest. v. 224, ed. Matth., выражаетъ такъ: τὸ δοκεῖν καὶ τὸ μάλα θεῖα βιάται.

³ Тимей (р. 256), вѣроятно разумѣя это самое мѣсто, приводитъ глоссу: ἀλώπηξ τῆς πανουργίας. По поводу этой глоссы Рункеній говоритъ такъ: «Чтеніе Тимея могло бы казаться лучшимъ; но безъ основанія ничего измѣнять не должно. Ἀλώπηξ здѣсь стоитъ вмѣсто лиссей кожи, какъ λέων вмѣсто львиной. Такъ у Горация (de A. P. 437): nunquam te fallunt animi sub vulpe latentes. Такъ и у Валерія Флакка (II, 360) тигръ, вмѣсто тигровой кожи: fixaque fremunt in limi-

- Д. если хотимъ быть счастливыми, мы должны идти туда, гдѣ указываются слѣды расчетливости. А чтобы утаить-ся, соберемъ соумышленниковъ и сообщниковъ. Притомъ есть учителя убѣжденія, преподающіе ораторскую и судебную мудрость: съ помощію ихъ мы частію убѣдимъ, частію принудимъ, чтобы, одержавъ верхъ, не подвергнуться наказанію. Но отъ боговъ нельзя ни укрыться, ни сдѣлать имъ насиліе. Такъ что жъ? Если ихъ нѣтъ, или они не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ; то намъ не нужно и
- Е. скрываться: а когда они существуютъ и пекутся, — мы знаемъ и слышимъ о нихъ не откуда болѣе, какъ изъ разсказовъ и генеалогій, написанныхъ поэтами; поэты же сами говорятъ, что боговъ можно переувѣрять и привлекать къ себѣ жертвами, умиловительными молитвами и приношеніями. Тутъ надобно или вѣрить тому и другому, или не вѣрить ни тому ни другому: если вѣрить, то слѣдуетъ
366. быть несправедливымъ и приносить жертвы за неправды, потому что, бывъ справедливыми, мы отойдемъ только отъ боговъ безъ наказанія, за то отвергнемъ выгоды несправедливости; а бывъ несправедливыми, и пріобрѣтемъ выгоды, и, преклонивъ боговъ молитвами, избавимся отъ наказанія за грѣхи и проступки. Но за здѣшнія наши неправды мы или сами, или дѣти дѣтей нашихъ, — получимъ наказаніе въ преисподней: нѣтъ, другъ мой, человѣкъ размышляющій скажетъ, что посвященія имѣютъ великую силу. Да и боги-разрѣшители, какъ говорятъ величайшіе города и дѣти боговъ — поэты, сдѣлавшіеся божіими пророками, утверждаютъ то же самое.

Итакъ на какомъ еще основаніи можно бы намъ предпочитать справедливость самой великой несправедливости ¹,

ne tigris. Разсматриваемой Платоновой аллегоріи хорошо подражалъ *Θεμιστίης* (Orat. XXII, p. 279 A): *φύονται δὲ τινες καὶ ἐν ἀνθρώποις ἀλώπεκες, μᾶλλον δὲ ἀνθρώπινα σμικρα τε καὶ ἀνελεύθερα τὰς ἀλώπεκας ὁπισθεν ἐφελκόμενα· οἱ δὲ αὐτῶν οὐκ ἀλώπεκες, ἀλλὰ δράκοντες κ. τ. λ.* Васню Архилоха о лисицѣ приводятъ многіе; напр. *Аристофанъ*, *Avv.* v. 652. *Runckenius* (l. c.).

¹ *Итакъ на какомъ еще основаніи можно бы... κατὰ τίνα οὖν ἐτι λόγον δικαιο-*

если облакая послѣднюю поддѣльнымъ приличіемъ, мы предъ богами и предъ людьми, въ жизни и по смерти, будемъ дѣйствовать по разуму, какъ гласить слово людей многихъ и великихъ? Послѣ всего-то сказаннаго, Сократъ, возможно ли, С. чтобы тотъ, кто владѣеть силою духа, или богатствомъ, имѣеть тѣлесныя или родовыя преимущества, захотѣлъ уважать справедливость, а не смѣялся, слыша, что ее превозносятся? Да пусть себѣ кто-нибудь и могъ бы доказать ложность нашихъ словъ и достаточно зналъ бы, что справедливость есть дѣло прекрасное: но все-таки онъ очень извинилъ бы несправедливыхъ и не сердился бы на нихъ, понимая, что развѣ только силою Божіей природы иной враждуетъ противъ несправедливости, или получивъ внушеніе, отвращается отъ ней; а изъ прочихъ людей никто не бываетъ добро- D. вольно справедливымъ: всякій порицаетъ несправедливость потому, что не можетъ совершать ее либо по робости, либо по какой-нибудь иной слабости. Это ясно; ибо изъ такихъ порицателей первый, пришедшій въ силу, первый и дѣлаетъ неправду, сколько можетъ.

Причина всего этого, Сократъ, не иная, какъ та, отъ которой началась нынѣшняя моя и братнина съ тобой бесѣда, то-есть, что изъ всѣхъ васъ, почтеннѣйшій, изъ всѣхъ называющихся хвалителями справедливости, начиная отъ са- E. мыхъ древнихъ героевъ, которыхъ рѣчи дошли до нашего времени, никто никогда не порицалъ несправедливости и не превозносилъ справедливости иначе, какъ въ отношеніи къ проистекающимъ изъ нихъ мнѣніямъ, почестямъ и наградамъ. А каково то и другое по своей силѣ, поколику находится въ душѣ, питающей эти мнѣнія, и таится въ ней отъ боговъ и человѣковъ,—этого достаточно не раскрылъ ни одинъ ни въ поэтической, ни въ обыкновенной рѣчи, не доказалъ то-есть, что несправедливость есть величайшее, носимое душою

σύντη ἄν πρός μεγίστης ἀδικίας αἰροίμεθ' ἕν. Въ этой фразѣ сугубое ἄν не подтверждается никакимъ употребленіемъ подобнаго удвоенія; и потому первое ἄν должно быть изгнано изъ текста.

367. зло, а справедливость—величайшее добро. Вѣдь если всѣ вы такъ издревле говорите и намъ съ дѣтства внушаете; то мы не другъ друга остерегаемъ отъ несправедливости, но каждый дѣлается добрымъ блюстителемъ самого себя, опасаясь, какъ бы чрезъ несправедливость не сдружиться съ величайшимъ зломъ. Это, а можетъ быть еще и болѣе этого, Сократъ, сказано о справедливости и несправедливости у Тразимаха или у какихъ-нибудь другихъ писателей, сильно извращающихъ, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, значеніе ихъ. Впрочемъ, зачѣмъ скрываться предъ тобою?—желая лишь слышать отъ тебя противное, я говорю объ этомъ сколько могу настоятельнѣе. Итакъ, въ своемъ разсужденіи ты докажи намъ не то только, что справедливость лучше несправедливости, но и то, чѣмъ дѣлаетъ человѣка каждая изъ нихъ сама по себѣ,—одна, какъ зло, другая, какъ добро. А мнѣнія, какъ и Главконъ приказывалъ, оставь: потому что, если съ той и другой стороны не отвлечешь истинныхъ, а приложишь ложныя; то мы скажемъ, что ты хвалишь не справедливость, а ея наружность, что ты убѣждаешь несправедливаго быть скрытнымъ и соглашаешься съ Тразимахомъ ¹, что справедливость есть благо чужое, польза сильнѣйшаго, и что несправедливость полезна и выгодна сильнѣйшему, а низшему неполезна. Если ужъ ты положишь, что справедливость принадлежитъ къ числу величайшихъ благъ ², которыя достойны пріобрѣтенія ради своихъ слѣдствій; то тѣмъ важнѣе они сами по себѣ, подобно тому какъ зрѣніе, слухъ, разумѣніе, и другія многія блага, суть блага родовыя, блага по своей природѣ, а не по мнѣнію. Такъ это-то самое хвали въ справедливости, что, то-есть, она сама по себѣ полезна человѣку, который имѣетъ ее, равно какъ несправедливость вредна; а хвалить награды и мнѣнія предоставь другимъ. Когда другіе будутъ такимъ образомъ хвалить справедливость и порицать несправедли-

¹ См. положенія софиста—Lib. 1, p. 336 В sqq. p. 342 E sqq. p. 360 С.

² См. p. 357 В sqq.

вость, то-есть начнуть превозносить или бранить касающіяся ихъ мнѣнія и награды, то я въ состоянїи удержать ихъ: а тебя—не могу, если не прикажешь; потому что ты въ продолженіе всей своей жизни ни чего болѣе не разсматривалъ, кромѣ этого. Итакъ, въ своей рѣчи докажи намъ не то только, что справедливость лучше несправедливости, но и то, чѣмъ дѣлаетъ человѣка та и другая сама по себѣ,—скрываются ли онѣ отъ боговъ и людей, или не скрываются, первая какъ добро, а послѣдняя какъ зло.

Слушая Главкона и Адиманта, я и всегда-таки удивлялся ихъ способностямъ, а тогда-то особенно обрадовался и сказалъ: Не худо же къ вамъ, дѣти того мужа ¹, идетъ начало элегій, которыя написалъ любитель Главкона ², когда вы прославились на войнѣ Мегарской ³. Онъ говорить:

Дѣти Аристана, божественная отрасль знаменитаго мужа. По моему мнѣнію, друзья, — это хорошо. Надъ вами, конечно, совершается что-то божественное, если вы, не увѣрившись, что несправедливость лучше справедливости, можете такъ говорить объ этомъ. А мнѣ кажется, что вы въ самомъ дѣлѣ не увѣрились: это я заключаю вообще изъ нравственныхъ вашихъ качествъ; основываясь же на самыхъ словахъ-то, не повѣрилъ бы вамъ. Но чѣмъ больше

¹ *Дѣти того мужа*. Этимъ указывается никакъ не на отца Главконова и Адимантова. Собесѣдники Сократа привѣтствуются здѣсь, какъ ученики того союста, котораго мнѣніе они защищали. Такъ въ Филебѣ (р. 36) Сократъ привѣтствуетъ и Протарха, защищавшаго мнѣніе Филеба: ὦ παῖ ἐκείνου τὸνδρός. «Alle diese Periphrasen mit παῖς», говоритъ *Бёттигеръ* (Ideen zur Archäologie der Malerei, р. 136), wie φιλοσόφων παῖδες, πλαστών παῖδες u. s. w., drucken stets eine Familiensippchaft, eine Schule u. s. w. aus, worinn diese Lehre fortgeerbt wurde.» Такъ и у Платона, юноши, посвятившіе себя живописи, называются παῖδες ζωράφων. Legg. VI, р. 769 В.

² Писателемъ этихъ элегій, по догадкѣ *Шлейермахера* (р. 537), былъ Критіасъ.

³ Вѣроятно, здѣсь имѣлась въ виду война, происходившая въ 1,83 олимп. Въ этомъ году Мегарцы, заключивъ союзъ съ Лакедемонянами, такъ раздражили этимъ Аѳинянь, что послѣдніе жестоко опустошали ихъ землю и осаждали Мегару. См. *Plutarch. vit. Pericl. р. 164 С. D. Diodor. Sic. XII, 5 sqq.* Впрочемъ, Сократъ могъ разумѣть и сраженіе съ Коринѳянами при Мегарѣ, бывшее въ 4,80 олимп. *Thucyd. I, 105. Diod. Sic. XI, 79.*

- я вѣрю, тѣмъ больше недоумѣваю, что мнѣ дѣлать: съ одной стороны не знаю, какъ помочь, ибо чувствую свое безсиліе, — признакъ тотъ, что, говоря противъ Тразимаха, я надѣялся было доказать преимущество справедливости предъ несправедливостію, однакожъ вы не приняли меня; съ другой опять, не знаю, какъ и не помочь, ибо боюсь, что
- С. будетъ неблагочестиво, слыша уничтоженіе справедливости, отказаться отъ поданія ей помощи, пока еще дышешь и можешь говорить. Итакъ, гораздо лучше пособить ей столько, сколько могу. Къ тому же Главконъ и другіе стали просить, чтобы я непременно помогъ и не оставлялъ рѣчи, а изслѣдовалъ, что такое та и другая и какъ вѣрнѣе понимать ихъ пользу. Поэтому я началъ говорить, что мнѣ казалось, именно, — что предпринимаемое нами изслѣдованіе есть дѣло немаловажное и приличное, какъ надобно полагать, человѣку съ острымъ взглядомъ. А такъ какъ мы, примолвилъ я, кажется, не довольно сильны, для произведенія такого изслѣдованія, какъ не довольно сильны тѣ, которымъ, при слабомъ зрѣніи, приказано читать издали мелко написанную рукопись; то кто вздумалъ бы этотъ самый почеркъ начертать индѣ въ большемъ видѣ и на большей вещи, тотъ, думаю, открылъ бы кладъ¹: прочитавъ сперва это крупное, мы разобрали бы уже и мельчайшее, если оно то же самое.—Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ Адимантъ; но что же ты видишь тутъ, Сократъ, относящееся къ изслѣдованію справедливости?—А вотъ скажу тебѣ, отвѣчалъ я. Мы приписываемъ справедливость одному человѣку; но ее, вѣроятно, можно приписывать и цѣлому обществу.—Ужъ конечно, сказалъ онъ.—А общество не больше ли одного человѣка?—Больше, отвѣчалъ онъ.—Въ большемъ же можетъ быть больше и справедливости, слѣдовательно, легче
369. и изучать ее. Такъ если хотите, сперва изслѣдуемъ, что и какова она въ обществѣ, а потомъ рассмотримъ ее и

¹ Тотъ открылъ бы кладъ, *ἔρμιον ἂν ἐφάνη*. О провербiальномъ значеніи слова *ἔρμιον* см. замѣчаніе къ Эвтид. р. 273 Е.

въ недѣлимомъ; ибо идея меньшаго есть подобіе большаго. — Ты, мнѣ кажется, хорошо говоришь. — Но если въ своемъ разсужденіи, продолжалъ я, мы захотимъ созерцать раждающійся городъ ¹; то не увидимъ ли также раждающейся справедливости и несправедливости? — Тотчасъ, отвѣчалъ онъ. — А когда онъ зародится, то не будетъ ли надежды легче разсмотрѣть искомое? — Даже много легче. — Такъ пред- В. пріятіе, кажется, надобно привести къ концу, хотя дѣла тутъ, повидимому, немало. Изслѣдывайте-ка. — Готовы, сказалъ Адиантъ, только не отказывайся.

Городъ, такъ началъ я, по моему мнѣнію, раждается тогда, когда каждый изъ насъ самъ для себя бываетъ недостаточенъ и имѣетъ нужду во многихъ ². Или ты предполагаешь другое начало основанія города? — Никакого болѣе, отвѣчалъ онъ. — Стало быть, когда такимъ-то обра- С. зомъ одинъ изъ насъ принимаетъ другихъ, — либо для той, либо для иной потребности; когда, имѣя нужду во многомъ, мы располагаемъ къ сожитію многихъ общниковъ и по-

¹ Слово *πόλις* я постоянно буду переводить собственнымъ его значеніемъ — «городъ»; однакожъ, предварительно долженъ сказать, что принятое у насъ понятіе о городѣ вовсе не таково, каково оно было у Грековъ. Подъ именемъ города Греки разумѣли митрополию цѣлой республики, нераздѣльно со всѣми принадлежащими ей дѣлами, со всѣми провинціальными городами и селеніями. Съ нашей, новоевропейской точки зрѣнія, греческій *πόλις* слѣдовало бы назвать «націею»: но это слово иностранное. Ближе всего, примѣнительно къ политической жизни Грековъ, можно бы перевести его словомъ «гражданство», «гражданское общество» или просто «общество»: но тогда оно своимъ значеніемъ слилось бы съ словомъ *πολιτεία*, да не имѣло бы и надлежащей опредѣленности.

² *Аристотель* (Polit. IV, 4. p. 146. ed. Schneid. Coll. V, 12) порицаетъ Платона за то, что онъ побудительною причиною составить городъ призналъ нужду чловѣка во многомъ и безсиліе его достать все необходимое самому по себѣ. По мнѣнію Аристотеля, люди соединились въ гражданскія общества для преуспѣянія въ честности и добродѣтели. Но *Камерарій* (ad Aristot. Polit. IV, 4), *Патрицій* (Discurss. Peripat. T. III, lib. VIII, p. 356), *Моренштернъ* (de Plat. Republ. Comment. III, p. 165) и *Пинсгеръ* (Comment. de iis, quæ Aristot. in Platonis Politia reprehendit. p. 14 sqq.) достаточно доказали, что Платонъ въ этомъ отношеніи обвиняется Аристотелемъ несправедливо. Сократъ, поднимая вопросъ о происхожденіи города, имѣетъ въ виду показать не цѣль его существованія, а только побудительную причину, по которой онъ составляется. Аристотель, въ другихъ случаяхъ весьма хорошо отличавшій побужденіе отъ цѣли, теперь не хотѣлъ отличить ихъ.

- мощниковъ: тогда это сожитіе получаетъ у насъ названіе города. Не такъ ли?—Безъ сомнѣнія.—Но всякій сообщается съ другимъ,—допускаетъ другаго къ общенію, или самъ принимаетъ это общеніе—въ той мысли, что ему лучше.—Конечно.—Давай же, сказалъ я, устроить въ умѣ городъ съ самага начала, а устроить его, вѣроятно, наша потребность. Почему не такъ?—Первая же и самая великая изъ потребностей есть приготовленіе пищи для существованія и жизни.—Ужъ непременно.—Вторая—приготовленіе жилища, третья—одежды и тому подобныхъ вещей.—Правда.—Смотри же, сказалъ я, какимъ образомъ городъ будетъ достаточенъ для приготовленія этого? Не такъ ли, что одинъ въ немъ земледѣлецъ, другой домостроитель, иной ткачъ? Не прибавить ли къ этому еще кожевника и иныхъ прислужниковъ тѣлу?—Конечно.—Стало быть, городъ, слѣдуя необходимости, можетъ ограничиваться четырьмя или пятью человѣками.—
- Е. Кажется.—Что жъ теперъ? каждое изъ этихъ недѣлимыхъ должно ли посвящать свою работу всеѣмъ вообще, напри- мѣръ, земледѣлецъ одинъ обязанъ ли готовить пищу четверемъ и употреблять четыре части времени и трудовъ для приготовленія пищи и общенія съ другими? Или, не заботясь объ этомъ, онъ можетъ запасти четвертую часть пищи только для себя и употребить на то четвертую часть
370. времени, а изъ прочихъ трехъ его частей, одну провести въ приготовленіи дома, другую — платья, третью — обуви, и заниматься работою не съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ другими, но дѣлать свое дѣло самому для себя?— Можетъ быть, то-то легче, Сократъ, чѣмъ это ¹, сказалъ Ади- мантъ.—Нѣтъ ничего страннаго, клянусь Зевсомъ, примолвилъ я. Слыша тебя, я и самъ понимаю, что каждый изъ
- В. насъ рождается сперва не слишкомъ похожимъ на всякаго

¹ *То-то легче, чѣмъ это.* *Объто* (то-то) относится къ прежнему, что полагалъ Сократъ, что, то-есть, граждане должны удовлетворять нуждамъ другъ друга; а *ἐκεῖνος* (это) указываетъ на послѣднее положеніе, что каждый гражданинъ долженъ въ разныя части времени работать самъ на себя.

другаго, но отличнымъ по своей природѣ, и назначается для совершенія извѣстной работы. Или тебѣ не кажется это? — Кажется. — Что жъ? лучше ли можетъ дѣлать кто-нибудь — одинъ, занимаясь многими искусствами, или лучше, когда одинъ занимается однимъ? — Лучше, когда одинъ занимается однимъ, отвѣчалъ онъ. — Впрочемъ и то, думаю, очевидно, что если время какой-нибудь работы протекло, то оно исчезло. — Конечно очевидно. — Потому, работа, кажется, не хочетъ ждать, пока будетъ досугъ работнику; напротивъ необходимо, чтобы работникъ слѣдовалъ за работою не между дѣломъ. — Необходимо. — Оттого-то многія частныя дѣла совершаются лучше и легче, когда одинъ, дѣлая одно, дѣлаетъ сообразно съ природою, въ благопріятное время, оставивъ всѣ другія занятія. — Безъ всякаго сомнѣнія. — Но для приготовления того, о чемъ мы говорили, Адимантъ, должно быть гражданъ болѣе четырехъ; потому что земледѣлецъ, вѣроятно, не самъ будетъ дѣлать плугъ, если потребуется хорошій, и заступъ, и прочія орудія земледѣлія; не самъ опять — и домостроитель, которому также многое нужно; равнымъ образомъ и ткачъ, и кожевникъ. Или нѣтъ? — Правда. — А столяры, мѣдники и многіе подобныя имъ мастеровые, бывъ приняты въ маленькій нашъ городокъ, дѣлаютъ его уже многолюднымъ. — Да, конечно. — Однакожь, онъ все-таки былъ бы что-то неслишкомъ большое, еслибы мы не присоединили къ нему волопасовъ, овчаровъ и другихъ пастуховъ, чтобы земледѣльцы имѣли воловъ для оранія, домостроители — подъяремныхъ животныхъ для перевозки тяжестей съ земледѣльцами, а ткачи и кожевники — кожу и волну. — По крайней мѣрѣ городъ, имѣющій все это, былъ бы не малъ, сказалъ онъ. — Но вѣдь поселить нашъ городъ въ такомъ мѣстѣ, куда не требовалось бы никакого ввоза, почти невозможно, сказалъ я. — Да, невозможно. — Стало быть, понадобятся еще и другіе, для перевозки къ нему потребностей изъ иныхъ городовъ. — Понадобятся. — Вѣдь промыш-

- ленникъ (*δίκωνος*), прибывшій куда-нибудь порожнемъ и не привезшій съ собою ничего, въ чемъ тамъ имѣютъ нужду, и откуда получается нѣчто для нихъ потребное, этотъ про-
371. мышленникъ порожнемъ и возвратится. Не такъ ли?—Мнѣ кажется.—Значить, домашнее нужно готовить не только въ достаточномъ количествѣ для себя, но дѣлать запасъ такой и въ такомъ родѣ, какой и въ какомъ онъ требуется для городовъ, имѣющихъ въ томъ нужду.—Да, надобно.—Слѣдовательно, нашему городу нужно болѣе земледѣльцевъ и другихъ мастеровыхъ?—Конечно болѣе.—Стало, быть болѣе и промышленниковъ для вывоза и ввоза всякой всячины; а это—купцы. Не правда ли?—Да.—Поэтому мы потребуемъ и купцовъ.—Конечно.—И если торговля-то будетъ
- В. совершаться моремъ, то понадобится множество и другихъ людей, умѣющихъ дѣйствовать на морѣ.—Да, очень много.—Что жъ теперь? въ самомъ городѣ, какимъ образомъ граждане будутъ передавать другъ другу то, что каждый изъ нихъ производитъ? Вѣдь для этого-то мы и установили общеніе, для этого и основали городъ.—Явно, сказалъ онъ, что посредствомъ продажи и купли.—Такъ отсюда у насъ будетъ площадь и монета — знакъ для обмѣна. — Ужъ конечно. — Но если земледѣлецъ, или кто-нибудь изъ мастеровыхъ, везя на площадь свою работу, прибудетъ не въ одно время съ тѣми, которымъ нужно бы обмѣняться съ нимъ, то неужели онъ оставитъ свое мастерство и будетъ сидѣть на площади?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ; есть люди, которые, видя это, сами вызываются на подобную услугу: въ благоустроенныхъ городахъ, они—самые слабые тѣломъ и неспособные ни къ какой иной работѣ. Имъ-то надобно оставаться на площади и, либо вымѣнивать за деньги, что другіе имѣютъ нужду сбыть, либо вымѣнивать деньги за тотъ товаръ, который другіе хотятъ купить.—Такъ эта потребность, сказалъ я, даетъ въ городѣ мѣсто барышникамъ. Развѣ не барышниками назовемъ мы торгашей, постоянно сидящихъ на площади и готовыхъ купить и про-

дать, либо бродящихъ по городамъ?—Конечно барышниками. — Но есть еще, какъ я думаю, прислужники и иного рода, которые, по уму, неслишкомъ были бы достойны об-
 щенія, но они владѣютъ тѣлесною силою, достаточною для подвѣтїя трудовъ. Такъ продавая употребленіе своей силы и цѣну употребленія называя наймомъ, они, думаю, получили имя наемниковъ. Не правда ли?—Конечно. — Итакъ, для полноты города, вѣроятно нужны и наемники.—Мнѣ кажется. — Не выросъ ли уже, Адимантъ, городъ у насъ до цѣлости? — Можетъ быть. — Гдѣ же въ немъ будетъ справедливость и несправедливость? или, въ чемъ изъ того, что мы разсмотрѣли, заключаются онѣ? — Не вижу, Сократъ, 372. сказалъ онъ; развѣ не въ потребности ли этихъ самыхъ вещей для одного въ отношеніи къ другому? — Можетъ быть, ты и хорошо говоришь, замѣтилъ я; надобно изслѣдовать, не скучая предметомъ.

И во-первыхъ, изслѣдуемъ, какъ станутъ жить собранные такимъ образомъ граждане. Не такъ ли, что, приготовляя пищу и вино, одежду и обувь, и строя дома, лѣтомъ они будутъ работать по большей части нагіе и босые, а зимою достаточно одѣнутся и обуются? Не такъ ли, что В. питаться будутъ они крупною, добытою изъ ржи, и мукою изъ пшеницы, первую варя, а послѣднюю запекая? Не такъ ли, что благородные ¹ пироги и хлѣбы располагая на тростникѣ или на чистыхъ листахъ и возлагая на дернѣ, покрытомъ миртами и тисомъ, они будутъ насыщаться вмѣстѣ съ дѣтьми, пить вино, украшаться вѣнками, воспѣвать боговъ, прїятно обходиться другъ съ другомъ и, изъ опасенія бѣдности и войны, раждать дѣтей не болѣе, какъ сколько позволяетъ состояніе?—Тутъ Главконъ прервалъ меня и С.

¹ Нѣтъ ничего удивительнаго, что пироги Сократъ называетъ благородными: этотъ эпитетъ иногда прилагается у Платона и къ нѣкоторымъ плодамъ, и къ поварскимъ блюдамъ; напр. Legg. VIII, p. 844 D. ὅς δ' ἂν τὴν γενναίαν οὖν λεγομένην πταρυλήν ἢ τὰ γενναῖα εὖκα ἐπονομαζόμενα ὀπωρίξειν βουλήται. Hipp. Mai. p. 299 E. τοὺς μέλλοντας ἐπιτίθειαι ἄνευ ὄψου ἂν πάνυ γενναίου ποιήσεις, т.-е. ἐστιωμένους.

сказалъ: ты заставляешь своихъ людей обѣдать, повидимому, безъ похлебки.—Да, твоя правда; я забылъ, что у нихъ будетъ и похлебка, отвѣчалъ я; разумѣется, будетъ также соль, масло и сыръ, будутъ они варить лукъ и овощи, какія варятся въ полѣ. Мы дадимъ имъ и какихъ-нибудь сладостей,—напримѣръ смоквъ, гороху, бобовъ; миртовые плоды и буковые орѣхи будутъ они жарить на огнѣ и понемногу запивать виномъ. Живя такимъ образомъ въ мирѣ и здоровьѣ и умирая, какъ надобно полагать, въ старости, они такую же жизнь передадутъ и потомкамъ.—Но еслибы ты устраивалъ городъ изъ свиней, сказалъ онъ, то какого болѣе, какъ не этого, задавалъ бы ему корму ¹?—А какого же надобно, Главконъ? спросилъ я.—Какого принято, отвѣчалъ онъ. Чтобы жить не въ горести, возлежать-то, думаю, слѣдуетъ на скамьяхъ, обѣдать со столовъ, и употреблять мясà и сладости, какія нынѣ употребляются.—А! понимаю, примолвилъ я: такъ видно, мы рассматриваемъ не то, какъ долженъ жить просто городъ, но какъ—городъ роскошествующій? Можетъ быть, это и не худо; потому что, рассматривая его, мы вдругъ замѣтили бы, гдѣ въ городахъ рождается справедливость и несправедливость. Но тотъ, который былъ предметомъ нашего изслѣдованія, мнѣ кажется, есть городъ истинный, какбы здоровый: впрочемъ, если вы хотите, начнемъ разсуждать и о лихорадочномъ ²; ни-
373. что не мѣшаетъ. Иныхъ эти вещи и этотъ образъ жизни конечно не удовлетворятъ: имъ понадобятся и скамьи, и столы, и другая утварь, и мясà, и масти, и благовонія, и на-

¹ *Задавалъ бы корму, ἐχόρταξίς.* Глаголь *χόρταξειν* означаетъ собственно кормленіе травоядныхъ животныхъ; потому я и перевожу его глаголомъ, выражающимъ это самое дѣйствіе и употребляемымъ въ сельскомъ быту.

² Городу здоровому, ведущему жизнь правильную, въ которомъ, поэтому, граждане живутъ до глубокой старости и не имѣютъ нужды во врачебной наукѣ, Сократъ противопоставляетъ городъ роскошествующій и вмѣстѣ съ тѣмъ хворый, лихорадочный, живущій хлопотливо, тревожно, судорожно. Болѣзненное его состояніе требуетъ большей помощи, и слѣдовательно, большаго населенія; посему теперь обозрѣваются нужды и этого общества.

ложницы, и пирожныя, и все это въ разныхъ видахъ. Поэтому не вещи, перечисленные нами прежде, то-есть, не дома, не одежду и обувь, слѣдуетъ уже почитать необходимыми; но надобно пустить въ ходъ живопись и разцвѣчиваніе матерій, надобно достать золото, слоновую кость и все тому подобное. Не правда ли?—Да, сказалъ онъ.—Такъ В. не нужно ли намъ увеличить свой городъ?—Вѣдь первый-то, здравый, уже недостаточенъ: его надобно начинить и обременить множествомъ такихъ лицъ, которыя въ городахъ бываютъ не ради необходимости,—напримѣръ, всякими ловчими¹ и мимиками, изъ которыхъ иные поддѣлываютъ наружный видъ и цвѣтъ, иные музыку, — также поэтами и ихъ исполнителями, то-есть рапсодистами, актерами, плясунами, спекулянтами², мастерами всякой утвари и другими, приготовляющими женскія украшенія. Понадобится С. намъ гораздо болѣе и прислужниковъ. Не нужны ли, думаю, будутъ педагоги, кормилицы, воспитатели, наряжательницы, брадобрее, стряпухи и повара; даже не потребуемъ ли и свинопасовъ. Въ первомъ городѣ не было ничего такого; потому что не было надобности: теперь и это понадобится. Нужны будутъ также и другія весьма многія животныя—для тѣхъ, кто ихъ ѣсть. Не правда ли?—Какъ D. же иначе?—Но живя такимъ образомъ, не будемъ ли мы имѣть гораздо большую нужду, чѣмъ прежде, и во врачахъ?—Несравненно большую.—

¹ Слово «ловчій» Асту хочется понимать въ смыслѣ метафорическомъ и подъ ловчими разумѣть всѣхъ тѣхъ, которые преслѣдуютъ не истинное и прекрасное само въ себѣ, а ихъ подобія и призраки, и этими призраками льстятъ чувственности народа. Но ученый критикъ не указалъ ни одного мѣста, гдѣ Платонъ употребилъ бы слово *ἑρπευτῆς* въ такомъ значеніи. Если оно имѣетъ здѣсь смыслъ метафорическій, то ловчими Платонъ могъ называть скорѣе тѣхъ людей, которые непрестанно гоняются за удовольствіями; по крайней мѣрѣ это согласнѣе съ контекстомъ.

² Платоновъ *ἐργολάβοι* я перевожу: «спекулянты». По *Поллуксу* (VII, 122, р. 820) и *Гемстерузию*, это слово то же, что *mancipes sive redemptores, qui aedificium exstruendum aliudve opus perficiendum conducercnt et redimerent*. Слѣдовательно, это — подрядчики, предприниматели (*entrepreneurs*), содержатели об-

Вѣроятно и страна, бывшая тогда достаточною для пропитанія, теперь изъ достаточной сдѣлается уже малою. Или какъ мы скажемъ? — Такъ, отвѣчалъ онъ. — Значить, не понадобится ли намъ отрѣзать отъ страны сосѣдней, когда хотимъ, чтобы у насъ достаточно было земли кормовой и пахатной? А сосѣди, если они пустились приобрѣтать неисчислимое богатство, не переступятъ ли также за пре-

Е. дѣлы необходимаго, и не отрѣжутъ ли отъ нашей?—Неизбѣжно, Сократъ, сказалъ онъ.—Что жъ послѣ этого, Главконъ? будемъ воевать, или какъ?—Воевать, отвѣчалъ онъ.—Теперь мы, пожалуй, хоть и не станемъ еще говорить, при-
молвилъ я, зло ли производитъ война или добро; замѣтимъ однако, что мы открыли происхожденіе войны, — открыли, откуда преимущественно приключается городамъ зло общественное и частное, какъ скоро оно приключается.—Конечно открыли.—Итакъ свой городъ, другъ мой, надобно намъ-таки увеличить,—и увеличить не бездѣлицею, а цѣлою арміею,

374. которая бы, отправившись въ походъ, сражалась съ наступающимъ непріателемъ за свое достояніе, и за все то, о чемъ сейчасъ говорено было. — Какъ такъ, сказалъ онъ? развѣ сами не въ состояніи? — Нѣтъ, отвѣчалъ я, если только ты и всѣ мы хорошо положили, для чего устроаемъ городъ. Помнишь, мы согласились, что одному нельзя успѣшно заниматься многими искусствами.—Да, правда, сказалъ

В. онъ. — Что жъ? продолжалъ я; воинскій трудъ не кажется ли тебѣ трудомъ искусства? — И очень, отвѣчалъ онъ. — И искусство, напримѣръ, кожевническое, большаго ли достойно попеченія, чѣмъ воинское?—Отнюдь нѣтъ.—Но вѣдь мы и кожевнику, и земледѣльцу, и ткачу, и домостроителю не мѣшаемъ исполнять свое дѣло, чтобы у насъ шла хорошо работа и кожевника, и каждаго, кому поручено также что-нибудь одно, такъ какъ къ этому онъ располагаетъ природою и, незанимаясь ничѣмъ другимъ, надъ этимъ, безъ опущенія

щественныхъ заведеній, и вообще — принимающіе на себя какое-нибудь дѣло въ пользу или удовольствіе народа, для личныхъ своихъ выгодъ.

благоприятнаго времени, будетъ трудиться во всю жизнь. С. Не тѣмъ ли, стало быть, нужнѣе хорошее исполненіе дѣла воинскаго? Развѣ оно такъ легко, что и какой-нибудь земледѣлецъ, и кожевникъ, и всякій, занимающійся извѣстнымъ искусствомъ, будетъ воинъ, — тогда какъ и порядочно играть въ шашки или въ кости не можетъ ни одинъ, кто занимался этимъ не съ самого дѣтства, а только между дѣломъ? Развѣ стоитъ только взять щитъ или иное воинское оружіе, D. либо орудіе, чтобъ въ тотъ же день сдѣлаться, какимъ слѣдуетъ, ратникомъ среди битвы тяжело вооруженнаго и всякаго другаго войска; тогда какъ одно держаніе въ рукахъ всякихъ иныхъ орудій никого не сдѣлаетъ ни мастеромъ ни атлетомъ, и не принесетъ пользы тому, кто не приобрѣлъ познанія о каждомъ изъ нихъ и не приложилъ къ этому дѣлу надлежащаго вниманія? — Да, оружіе важное дѣло, сказалъ онъ. — Итакъ, чѣмъ важнѣе дѣло стражей, про- E. должалъ я, тѣмъ больше оно имѣетъ нужды въ совершенномъ досугѣ отъ другихъ занятій, тѣмъ больше оно требуетъ искусства и величайшаго старанія. — Я думаю, примолвилъ онъ. — Для этой именно должности не требуется ли и расположеніе природы? — Какъ же иначе? — И вѣдь, еслибы только мы могли, — повидимому, наше бы дѣло изложить, какія и каковы должны быть способности, годныя для стражи города. — Конечно наше бы. — О, Зевсъ! не малая же работа полюбилась намъ. Однакожь, не поддадимся страху, по крайней мѣрѣ сколько позволять силы. — Да, не подда- 375. димся, сказалъ онъ. — Думаешь ли, спросилъ я, что, въ отношеніи къ стереженію, природа благороднаго щенка отличается отъ природы благороднаго юноши? — Какъ это? — Такъ, на примѣръ, что тому и другому надобно имѣть остроту чувствъ, быстроту для преслѣдованія того, что почуено, и силу, если понадобится кого схватить и обезоружить. — Да, нужно все это, отвѣчалъ онъ. — И притомъ быть еще мужественнымъ, чтобы хорошо сражаться. — Какъ же не быть? — А быть мужественнымъ захочетъ ли негнѣвливыи, — B.

лошадь ли то, собака, или какое иное животное? Не замѣчалъ ли ты, сколь непреодолимъ и непобѣдимъ бываетъ гнѣвъ, подѣ влияніемъ котораго душа всецѣло становится безстрашною и неуступчивою?—Замѣчалъ.—Итакъ теперь ясно, что долженъ имѣть стражъ со стороны тѣла.—Да.—А со стороны души онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ быть гнѣвливъ.—И это.—Но какъ же, Главконъ? спросилъ я: такіе, по природѣ, не будутъ ли жестоки другъ къ другу и къ прочимъ гражданамъ?—Это, клянусь Зевсомъ, не легко, отвѣчалъ онъ.—Однако надобно же, чтобы въ отношеніи къ

С. домашнимъ они были кротки, а въ отношеніи къ непріателямъ сердиты. Въ противномъ случаѣ, не дожидаясь, пока истребятъ своихъ чужіе, они поспѣшатъ выполнить это сами.—Твоя правда.—Что же мы сдѣлаемъ? спросилъ я. Гдѣ, вмѣстѣ съ этимъ, найдемъ кроткій и великодушный нравъ? Вѣдь гнѣвливая и кроткая природа — взаимно противоположны.—Кажется.—Но такъ какъ изъ этихъ-то качествъ, не имѣя того и другаго, стражу нельзя быть хорошимъ; а

Д. совмѣстить ихъ повидимому, невозможно: то и хорошимъ стражемъ быть невозможно.—Есть опасность, сказалъ онъ.—Обнаруживъ тутъ недоумѣніе и припоминая прежнія слова, я продолжалъ: а вѣдь, мы, другъ мой, не безъ причины—таки недоумѣваемъ; мы оставили то пособіе, которое предложили прежде.—Что такое? — Мы не замѣтили, что въ самомъ дѣлѣ есть природы, о какихъ и не подумаешь; а онѣ совмѣщаютъ въ себѣ эти противоположности.—Гдѣ же такія природы? — Ихъ можно видѣть и въ другихъ животныхъ, и не менѣе въ томъ, которому уподобляли мы

Е. стража. Ты вѣроятно знаешь вѣдь благородныхъ собакъ: нравъ ихъ по природѣ таковъ, что съ домашними и знакомыми онѣ какъ нельзя болѣе кротки, а съ незнакомыми на-противъ.—Конечно знаю.—Стало быть, это возможно, сказалъ я, и мы не противорѣчимъ природѣ, ища такого стража.—Кажется, нѣтъ.—А кажется ли тебѣ еще, что тотъ, кому надобно будетъ сдѣлаться стражемъ, долженъ, кромѣ

гнѣвливости, присоединить къ себѣ и природу философа?—
 Почему же? спросилъ онъ; я не понимаю.—Это ты увидишь 376.
 также въ собакахъ, отвѣчалъ я,—черта, въ животномъ до-
 стойная удивленія. — Какая? — Та, что, видя незнакомаго,
 собака злится, хотя не потерпѣла отъ него ничего худаго,
 а къ знакомому ласкается, хотя онъ никогда и никакого не
 сдѣлалъ ей добра. Неужели этому ты еще не удивляешь-
 ся?—На это донинѣ я недовольно обрацалъ вниманіе, отвѣ-
 чалъ онъ: а что она точно такъ дѣлаетъ, явно.—Однакожь,
 такое чувство ея природы кажется занимательнымъ и ис- В.
 тинно философскимъ.—Какъ это?—Такъ, что дружеское и
 вражеское лице, сказалъ я, она различаетъ только тѣмъ,
 что первое знаетъ, а послѣдняго не знаетъ: стало быть,
 отчего бы не приписать ей любознательности, когда до-
 машнее и чужое она опредѣляетъ знаніемъ и незнаніемъ?—
 Никакъ нельзя не приписать, примолвилъ онъ. — Но вѣдь
 любознательность и философствованіе—одно и то же? спро-
 силъ я.—Конечно одно и то же, отвѣчалъ онъ. — Поэтому
 не можемъ ли мы смѣло положить, что и человѣку, если С.
 онъ съ домашними и знакомыми долженъ быть кротокъ, на-
 добно имѣть природу философскую и любознательную?—По-
 ложимъ, сказалъ онъ.—Такъ хорошій и добрый стражъ го-
 рода будетъ у насъ человѣкъ и философствующій, и гнѣв-
 ливый, и проворный, и сильный по природѣ?—Безъ сомнѣ-
 нія, отвѣчалъ онъ.—Пусть же онъ такимъ и будетъ. Но
 какъ намъ этихъ людей кормить и воспитывать? И ведетъ
 ли насъ настоящее изслѣдованіе къ познанію того, для че-
 го предприняты всѣ наши изслѣдованія, то-есть, какимъ D.
 образомъ въ городѣ рождается справедливость и неспра-
 ведливость? Какъ бы намъ въ своемъ разсужденіи не опу-
 стить чего нужнаго, или не зайти слишкомъ далеко. — Въ
 самомъ дѣлѣ, сказалъ братъ Главкона; я ожидаю, что на-
 стоящее изслѣдованіе дѣйствительно поведетъ къ этому.—
 Ахъ, любезный Адимантъ, примолвилъ я; не оставимъ дѣла,
 хотя оно и довольно длинно.—Конечно не оставимъ.—Пусть

уже мы будемъ воспитывать тѣхъ людей, какъ будто бы на досугѣ стали рассказывать басни.—Да, надобно.—

- Е. Что жъ это за воспитаніе? Или можетъ быть и трудно найти лучше того, которое давно уже открыто? То-есть одно, относящееся къ тѣлу,—гимнастическое, а другое,—къ душѣ,—музыкальное ¹.—Да, это.—И не музыкою ли мы начнемъ воспитывать ихъ прежде, чѣмъ гимнастикой?—Почему не такъ?—А къ музыкѣ относишь ли ты словесность, или не относишь? спросилъ я.—Отношу.—Словесности же два 377. вида: одинъ истинный, другой лживый?—Да.—И учить надобно хотя тому и другому, однакожъ прежде лживому?—Не понимаю, что ты говоришь, сказалъ онъ.—Ты не понимаешь, замѣтилъ я, что дѣтямъ мы прежде рассказываемъ басни? а вѣдь это, говоря вообще, ложь, хотя тутъ есть и истинное. Значить, въ отношеніи къ дѣтямъ, мы употребляемъ въ дѣло прежде ложь, чѣмъ гимнастическія упражненія.—Это правда.—Такъ вотъ я и сказалъ, что за музыку надобно взяться прежде, чѣмъ за гимнастику.—Справедливо, примолвилъ онъ.—А не знаешь ли, что начало всякаго дѣла весьма важно,—особенно для юноши и вообще для 378. в. нѣжнаго возраста? Вѣдь тогда-то преимущественно образуется и устанавливается характеръ, какой кому угодно отпечатлѣть въ каждомъ изъ нихъ.—Непремѣнно.—Такъ легко ли попустимъ мы, чтобы дѣти слушали и принимали въ души такія басни, которыя составлены какъ случилось и кѣмъ случилось, и которыя заключаютъ въ себѣ мнѣнія, большею частію противныя понятіямъ, имѣющимъ развиваться въ нихъ тогда, когда они достигнутъ зрѣлаго возраста?—
- С. Не такъ-то попустимъ.—Слѣдовательно, мы вѣроятно, долж-

¹ Программа древняго греческаго воспитанія подводима была только подъ двѣ рубрики: гимнастику и музыку. Гимнастика прилагается къ образованію тѣла, а музыка — къ образованію души. Crit. p. 50 D. Protag. p. 312 B. sqq. Но музыку, какъ образовательницу души, Платонъ обыкновенно принимаетъ въ обширномъ смыслѣ и подводитъ подъ нее не только всѣ словесныя науки, но и самую философію.

ны напередъ приказать излагателямъ басень избирать такия изъ нихъ, которыя бы они могли изложить хорошо, а прочія отвергать. Потомъ внушимъ кормилицамъ и матерямъ, чтобы эти отборныя басни онѣ рассказывали дѣтямъ, и гораздо больше образовали ихъ души баснями, чѣмъ тѣла — руками: большую же часть тѣхъ, которыя онѣ нынѣ рассказываютъ, надобно бросить. — А какія именно? спросилъ онъ. — Въ большихъ басняхъ, отвѣчалъ я, мы увидимъ и меньшія; потому что тѣ и другія должны имѣть одинаковый характеръ и силу. Или не полагаешь?—Полагаю, сказалъ онъ, только не понимаю, о какихъ большихъ говоришь ты.—О тѣхъ, продолжалъ я, которыя рассказали намъ Исідъ, Омиръ и другіе поэты. Вѣдь они-то, сложивъ живыя басни, рассказывали и рассказываютъ ихъ людямъ.—Какія же именно? спросилъ онъ; и что въ нихъ ты оуждаешь?—То самое, отвѣчалъ я, что надобно оуждать прежде всего и преимущественно, особенно когда кто джетъ нехорошо.—Что жъ это?—Это чье-нибудь плохое словесное Е. изображеніе того, каковы боги и герои, подобное изображенію живописца, нисколько непохожему на тотъ предметъ, котораго образъ хотѣлъ онъ написать.—Да, такія-то басни справедливо оуждаются. Однакожъ какимъ образомъ и на какія именно укажемъ мы?—Сперва, сказалъ я, укажемъ на самую великую ложь и о самыхъ великихъ предметахъ,— на ту ложь, которую сказавшій солгалъ нехорошо: что, на примѣръ, сдѣлалъ Уранъ, какъ угодно было рассказать объ этомъ Исіду¹, и за что наказалъ его Кронось; между тѣмъ о дѣлахъ Кроноса-то, и о мученіяхъ, перенесенныхъ 378. имъ отъ сына, хотя бы это было и справедливо, я не легко позволилъ бы рассказывать людямъ неразумнымъ и молодымъ, а лучше велѣлъ бы молчать о нихъ; когда же и настояла бы необходимость говорить, то ради таинственности пред-

¹ Этотъ мифъ рассказывается Theog. v. 154 sq. v. 178 sq. Сравн. Eutyphr. p. 5 E.

мета, у меня слушали бы о томъ весьма немногіе, приносящіе въ жертву не свинью ¹, а что-нибудь великое и рѣдкое, такъ чтобы слышать объ этомъ досталось очень немногимъ. — Въ самомъ дѣлѣ, примолвилъ онъ, эти-то рассказы не-
 в. пріятны. — И въ нашемъ городѣ, Адимантъ, допускать ихъ, конечно, ненадобно. Не должно говорить юному слушателю, что, совершая крайнюю несправедливость, онъ не дѣлаетъ ничего удивительнаго, — хотя бы даже какъ угодно наказывалъ преступнаго отца, — напротивъ, дѣлаетъ то, что дѣлали первые и величайшіе изъ боговъ. — Клянусь Зевсомъ, что, и по моему мнѣнію, говорить это не годится. — А еще менѣе, продолжалъ я, что боги ведутъ между собою войну, ковар-
 с. ствуютъ другъ противъ друга и дерутся: — вѣдь это и несправедливо, — если только будущіе стражи нашего города должны считать дѣломъ постыднымъ легкомысленную ненависть боговъ одного къ другому. О битвѣ же гигантовъ и о другихъ многихъ и различныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ богамъ и героямъ, по отношенію къ ихъ родственникамъ и домашнимъ, никакъ не баснословить и не составлять пестрыхъ описаній, но, сколько можно, убѣждать, что никогда ни одинъ гражданинъ ² не питалъ ненависти къ другому, и что это нечестиво. Вотъ что осо-
 д. бенно старики и старухи должны внушать дѣтямъ, какъ въ первомъ ихъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, и требовать, чтобы поэты слагали свои повѣсти, приспособительно къ этому. Равнымъ образомъ, и рассказы объ оковахъ

¹ Здѣсь Сократъ указываетъ на тотъ обычай, что желавшій быть посвященнымъ въ элевзинскія таинства, приносилъ въ жертву свинью. *Aristoph.* *Пас.* v. 373 sq, гдѣ Тигей проситъ взаимно три драхмы для покупки таинственнаго борава. *Conf. Acharn.* v. 747 et 764.

² Здѣсь подъ словомъ «гражданинъ» *πολίτης* Сократъ разумѣетъ не тѣхъ гражданъ, изъ которыхъ долженъ составиться образуемый теперь городъ; потому что въ такомъ случаѣ греческій текстъ имѣлъ бы конструкцію рѣчи солагательной — *ἕως ἄν οὐδεὶς... ἀπέχθητο*. Напротивъ, Платонъ выражаетъ свою мысль наклоненіемъ изъявительнымъ, говоритъ повѣствовательно: *ὡς οὐδεὶς πώποτε πολίτης ἕτερον ἕτερον ἀπέχθητο*, и указываетъ на гражданъ, составлявшихъ общество боговъ и героевъ.

Иры, наложенныхъ на нее сыномъ ¹, объ Ифестѣ, который свергнуть отцомъ за то, что хотѣлъ помочь матери, когда тотъ билъ ее, о сраженіи боговъ, которое выдуманно Омиромъ,—всѣ эти басни не должны быть допускаемы въ городъ,—иносказательно ли ² разумѣются онѣ, или безъ иносказаній; потому что юноша не въ состояніи различить, что иносказательно говорится и что нѣтъ, но какія въ молодости принимаетъ мнѣнія, тѣ любить оставлять неизмытыми ³ и безъ измѣненій. Поэтому-то, можетъ быть, надобно дѣлать Е. все, чтобы первые, принимаемые слухомъ рассказы какъ можно лучше примѣнены были къ добродѣтели. — Да, это

¹ У Платона — *δεσμούς υπό υίους*. Муреть, вмѣсто *υπό υίους*, исправляетъ *υπό Διός*; такъ какъ Зевсъ, говорятъ, самъ сковалъ Иру. См. *Iliad. XV, v. 18 sq.*, а Ифестъ старался освободить свою мать, и за то сброшенъ былъ на Лемнось *Iliad. I, v. 588*. Но Астъ замѣчаетъ, что оковы наложены на Иру не Зевсомъ, а Ифестомъ, по приказанію Зевса, и ссылается на *Paul. Leopard. Emendatt. XVI, 8*. Впрочемъ и Климентъ у *Сеиды* (s. v. "Нра) говорить: "Нρας δεσμούς υπό υίους, Πλάτων Πολιτείας β. οὕτω γραπτεόν. Παρά Πινδάρῳ γαρ ὑπὸ Ἡραίστου δεσμεύεται ἐν τῷ ὑπ' αὐτοῦ κατασκευασθέντι Σβόνῳ. "Ο τινες ἀγνοοῦντες γράφουσιν ὑπὸ Διός, καί ρασι δεῖσθαι αὐτὴν ἐπιβουλεύσασαν Ἡρακλεῖ. Κλήμησ.

² Эти слова Платона могутъ быть отнесены къ числу доказательствъ, что и въ его время было уже въ обыкновеніи мнѣя языческихъ вѣрованій истолковывать аллегорически; ибо, по свидѣтельству древнихъ писателей, въ такомъ именно значеніи употребляемо было слово *υπόνοια*. Напримѣръ, *Плутархъ* (de Aud. Poet. p. 19 E.) пишетъ: *ταῖς πάλαι μὲν ὑπόνοιας, ἀλληγορίας δὲ νῦν λεγομένης*. См. *Ruhnken. ad Tim. Glossar. 7. p. 200 sq.* Такими истолкователями мнѣевъ были Стезимбротъ лампсакскій, Главконъ и Митродоръ, о которыхъ упоминается *Юп. p. 530 D.* Но хотя многіе философы древнихъ временъ, какъ-то Пивагоръ, Эмпедоклъ, Демокритъ и другіе, старались религіозные мнѣя поэтовъ прилагать къ философскимъ своимъ воззрѣніямъ и для того истолковывать ихъ аллегорически; однакожъ, по свидѣтельству *Діогена Лаерція* (II, II) первый, начавшій этотъ родъ истолкованія постоянно прилагать къ стихотвореніямъ Омира, былъ Анаксагоръ. Поэтому другіе послѣ него, соединявшіе съ религіозными мнѣями смыслъ аллегорическій, называемы были Анаксагорейцами. См. *Menag. ad Diog. L. 1. Wolf. Prolegom. ad Hom. p. 162. Schaubach. de Fragmentt. Anaxagorae Clazom. p. 31 sq. 37 sq.*

³ Незмытыми — *δυσκλιπτά* называются здѣсь тѣ вѣрованія, которыя, бывъ приняты однажды, не подвергались философской критикѣ и не переходили въ понятія очищенными. Этою фразою хорошо обозначается взглядъ древняго философскаго рационализма относительно къ мнѣямъ языческой религіи, къ сожалѣнію, почти цѣликомъ перешедшій и въ рационализмъ новѣйшей германской философіи относительно религіи христіанской. Сравни. *libr. IV, p. 429 E. Ruhnken. ad Tim. Gloss. p. 76. Creuser. ad Proclum et Olympiodor. T. II, p. 51 sq.*

справедливо, сказалъ онъ; однакожь, если кто-нибудь спросить насъ о томъ, имѣются ли предметы для подобныхъ разсказовъ и какіе они; то на которые укажемъ?—Адимантъ! продолжалъ я, въ настоящую минуту мы съ тобой не поэты, а созидатели города; созидателямъ же хоть и надобно знать характеры, которыми должны быть отпечатлѣны баснословія поэтовъ, и не позволять, чтобы послѣднія составляемы были вопреки этимъ характерамъ, однакожь самимъ составлять басни не слѣдуетъ.—Справедливо, сказалъ онъ; но это-то самое, — характеры богословія, — какіе они? — Да хоть бы слѣдующіе, отвѣчалъ я: каковъ Богъ есть, такимъ надобно и изображать его—въ поэмахъ ли то, въ одахъ, или въ трагедіи.—Да, надобно. — Но Богъ-то не благъ ли по истинѣ? стало быть, не должно ли такъ и говорить о немъ?—Какъ же. — А изъ благъ, ужь конечно, некоторое не вредно. Не правда ли? — Мнѣ кажется, нѣтъ. — Такъ невредное вредитъ ли? — Никакъ. — Но что не вредитъ, то дѣлаетъ ли какое-нибудь зло?—Тоже нѣтъ. — А что не дѣлаетъ никакого зла, то можетъ ли быть причиною чего-нибудь злаго?—Какъ можно? — Такъ что же? значить, добро полезно? — Да. — Стало-быть, оно—причина доброй дѣятельности?—Да.—Поэтому добро есть причина никакъ не всего, но что бываетъ хорошо, того оно причина, а что худо, того не причина ¹. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Слѣдовательно и Богъ, заключилъ я, поколику онъ благъ, не можетъ быть причиною всего, какъ многіе говорятъ: но нѣсколькихъ дѣлъ человѣческихъ онъ—причина, а большей части ихъ—не при-

¹ Это превосходное положеніе философа, что Богъ не можетъ быть причиною зла, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ его разговоровъ. Lib. X, p. 617 D. E. αἰτία ἐλομένου θεός ἀναίτιος. *Elmenhorstius* (ad Apuleum de dogm. Plat. p. 205, T. II) сравниваетъ при этомъ слова *Филона* (ind. decal. fol. 525): θεός κύριος ἀγαθός μόνων ἀγαθῶν αἰτιον, κακοῦ δ' οὐδένος. *Trismegist*, c. 14. *Chalcidium* ad Tim. p. 243. *Plotin*. *Ennead*. 1, 8. *Iambli*. de *Myster*. 1, 18. Что Богъ не можетъ быть причиною зла, умъ выводилъ это изъ идеи существа совершеннѣйшаго, или премудрѣйшей причины всего. Но откуда произошло зло, этотъ вопросъ во всѣ времена для естественнаго ума оставался неразрѣшеннымъ. Къ рѣшенію его болѣе всѣхъ философовъ приблизился Платонъ въ своемъ *Федрѣ*.

чина; потому что у насъ гораздо менѣ добра, чѣмъ зла. И такъ какъ нельзя предполагать никакой другой причины добра (кромѣ Бога); то надобно искать какихъ-нибудь другихъ причинъ зла, а не Бога.—Ты говоришь, кажется, очень справедливо. — Поэтому не должно принимать того Д. грѣха въ отношеніи къ богамъ, какой совершали Омиръ и другіе поэты, когда, безумно грѣша, говорили: Двѣ бочки

лежатъ на полу у Зевеса

Жребіевъ полны—одна счастливыхъ, другая несчастныхъ.

И кому Зевсъ, взявъ смѣшано, даетъ изъ обѣихъ,

Тотъ въ жизни находить то горе, то радость;

а кому не такъ ³, то-есть, кому ниспосылаетъ онъ безъ смѣшенія только послѣдніе,

За тѣмъ на землѣ по пятамъ злая нужда несется.

Однакожь не должно думать, будто Зевсъ

есть благъ и золь раздаятель.

Е.

Равнымъ образомъ и тотъ не заслужить нашей похвалы, кто будетъ говорить, что Аѣина и Зевсъ заставили Пандара ⁴ поступить вопреки клятвѣ и возліянію. Не похвалимъ мы также вражды боговъ и приговора, произнесеннаго Ѳемидою и Зевсомъ ⁵; нельзя позволить юношамъ слушать и 380. слова Эсхила ⁶, будто бы

Внушаетъ смертнымъ Богъ причину,

Когда домъ съ корнемъ хочетъ истребить.

Напротивъ, кто пишетъ трагедію и помѣщаетъ въ ней та-

¹ Стихи взяты изъ Илиады XXIV, 427 sq. О значеніи ихъ много говорятъ *Proclus in Remp.*, p. 378. *Olympiodor. ad Alcibiad. I*, p. 6.

² Въ означенной книгѣ Илиады ст. 529.

³ Тамъ же, стихъ 531.

⁴ Греки и Трояне заключили перемиріе и условились прекратить битвы: но въ Илиадѣ (IV, 55 sq.) Зевсъ посылаетъ Минерву внушить Пандару Ликійскому, чтобы онъ, вопреки перемирію, пустилъ стрѣлу въ Менелая.

⁵ Илиад. XX: Ζεὺς δὲ Θέμιτ' ἐκέλευσε θεοὺς ἀγορήνδε κάλεσαι. Эту часть Илиады древніе назвали *θεῶν μάχη*. За Грековъ сражались Юнона, Минерва, Нептунъ, Вулканъ, Меркурій; за Троянъ—Венера, Аполлонъ, Діана, Латона, Марсъ, Скамандръ. Изъ Илиад. XXIV извѣстенъ судъ богинь.

⁶ Эти стихи Эсхила, кромѣ другихъ, приводитъ *Плутархъ* (de audiend. poet. c. 2). А *Виттенбахъ* (Т. I, p. 134 sq., ed. Lups.) остроумно замѣчаетъ,

- кіе ямвы ¹, каковы о бѣдствіяхъ Ніобы, или Пелопидовъ, о дѣлахъ троянскихъ, или тому подобные; тотъ либо не долженъ называть ихъ дѣлами Божиими, либо, когда Божиими,—обязанъ изобрѣтать такія мысли, какихъ мы нынѣ требуемъ, и говоритъ, что Богъ производитъ справедливое и доброе, и что тѣмъ людямъ полезно было наказаніе. Положимъ, что въ состояніи наказанія они несчастны: но поэту ненадобно позволять говорить, будто дѣлаетъ это Богъ. Напротивъ, пусть онъ утверждаетъ, что злые несчастны, поколику заслужили наказаніе, и что, подвергаясь наказанію, они получаютъ отъ Бога пользу ². А называть Бога добраго причиною золь для кого бы то ни было, — этому надобно противиться всѣми силами, этого никто въ своемъ городѣ не долженъ ни говорить, если городъ благоустроенъ, ни слушать,—никто ни изъ юношей, ни изъ старшихъ, будетъ ли баснословіе предлагаемо въ рѣчи измѣренной, или безъ размѣра; потому что такая рѣчь, будучи произносима, и намъ не принесетъ пользы, и не будетъ согласна сама съ собою. — Касательно этого закона, сказалъ онъ, я одного съ тобою мнѣнія; то же и мнѣ нравится. — Такъ въ томъ-то, примолвилъ я, состоитъ одинъ изъ законовъ и типовъ относительно боговъ, сообразно съ которымъ, говорящій долженъ говорить и дѣйствующій дѣйствовать, выражая ту истину, что Богъ не есть причина всего, а только причина добра. — И это очень удовлетворительно, сказалъ онъ.—
- D. Но какъ тебѣ покажется другой? Думаешь ли ты, что

что приводимое Платономъ мнѣніе Эсхила находилось въ трагедіи «Ніоба». Напротивъ *Мейнке* (р. 304) вноситъ его въ число неизвѣстныхъ отрывковъ Менандра и въ этомъ случаѣ основывается на неясномъ свидѣтельствѣ *Столеса* (Serm. II, р. 30).

¹ Ямвы, или разговорная часть трагедіи (речитативъ), противопоставляются здѣсь лирическимъ стихамъ хора. *Aristotel.* Poet. IV, 19: *πλείστα γὰρ ἰαμβεῖα λέγομεν ἐν τῇ διαλέκτῳ τῇ πρὸς ἀλλήλους.*

² Этотъ взглядъ Платона на значеніе и цѣль наказаній встрѣчается и въ *Горгіасѣ*, р. 478 D sqq., р. 525 B sqq.

Богъ — волшебникъ и какбы съ умысломъ является намъ по временамъ въ различныхъ идеяхъ, иногда самъ рождающаясь и измѣняя свой видъ въ различные образы, иногда обманывая ¹ и заставляя составлять о себѣ извѣстное понятіе? Или онъ — существо простое и всего менѣе выходящее изъ своей идеи? — На это, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, отвѣчать тебѣ я не могу, сказалъ онъ. — А на это? Не необходимо ли, чтобы то, что выходитъ изъ своей идеи, переносилось изъ ней или само собою, или Е. чѣмъ-нибудь другимъ? — Необходимо. — Но не правда ли, что самое превосходное всего менѣе измѣняется и движется другимъ? Не правда ли, напримѣръ, что самое здоровое и крѣпкое тѣло всего менѣе измѣняется пищею, питьемъ и сномъ, какъ всякое растеніе — солнечнымъ зноемъ, вѣтрами и подобными тому вліяніями? — Какъ же иначе? — Такъ 381. мужественнѣйшую душу не тѣмъ ли менѣе можетъ возмутить и измѣнить какое-нибудь внѣшнее вліяніе? — Да. — Впрочемъ даже и всѣ сложные сосуды, зданія и одежды, если они сдѣланы хорошо и находятся въ хорошемъ состояніи, наименѣе измѣняются отъ вліянія времени и другихъ причинъ. — Правда. — Итакъ все въ природѣ и искусствѣ, или въ томъ и другомъ, находясь въ хорошемъ состояніи, получаетъ отъ внѣ самую малую измѣняемость. — Вѣроятно. — Но Богъ-то и Божіе превосходише всего. — Какъ же иначе? — Стало-быть, Богъ всего менѣе можетъ принимать многіе образы. — Конечно всего менѣе. — Однакожь не превращаетъ ли и не измѣняетъ ли онъ самъ себя? — Явно, что такъ, — если измѣняется, сказалъ онъ. — Но въ лучшее ли и красивѣйшее превращаетъ онъ себя, или, сравнитель-

¹ Иногда самъ... измѣняя свой видъ: то-есть, Богъ, не принимаетъ ложнаго образа, но переходитъ въ явленія по законамъ своей природы, какъ представляла это греческая мифологія; иногда насъ обманывая: то-есть, проявляетъ такіе образы, какихъ дѣйствительно не имѣетъ, и подъ какими думали видѣть его греческіе мечтатели - поэты. Явно, что Сократъ предполагалъ то и другое, какъ ложное, и этому богоявленію противопоставалъ понятіе о Богѣ, какъ существѣ простомъ, которое никогда не выходитъ изъ своей идеи.

но съ собою, — въ худшее и безобразнѣйшее? — Если измѣ-
 С. няется, то необходимо въ худшее, отвѣчалъ онъ; потому
 что въ красотѣ или добродѣтели, скажемъ мы, онъ конечно
 не имѣеть недостатка. — Ты говоришь суцую правду,
 замѣтилъ я. А если такъ, то кто изъ боговъ или людей,
 думаешь, Адимантъ, сдѣлалъ бы себя произвольно худ-
 шимъ? — Это невозможно, сказалъ онъ. — Слѣдственно, не-
 возможно и то, заключилъ я, чтобы Богъ захотѣлъ измѣ-
 нить себя: каждый изъ боговъ, будучи прекрасенъ и по
 возможности превосходитъ, вѣроятно, пребываетъ всегда —
 просто въ своемъ образѣ. — Мнѣ кажется, это совершенно
 D. необходимо. — Итакъ, почтеннѣйшій, сказалъ я, пусть ни-
 кто изъ поэтовъ не говоритъ намъ, что

Какъ будто дальніе пришельцы, боги

Вкругъ города блуждаютъ въ разныхъ видахъ ¹.

Пусть также никто не клеветаетъ на Протея и Фетиду ², и
 ни въ трагедіи, ни въ какія другія стихотворенія не вво-
 дитъ Иру, превратившуюся въ жрицу и собирающую по-
 даваніе —

Животодарнымъ чадамъ Инаха, аргивской рѣки ³.

E. Пусть не повторяютъ у насъ и иныхъ, подобныхъ этимъ,

¹ Odyss. XVII, 485 sqq.

² О Протей см. Odyss. IV, 364 sqq. Ovid, Metamorph. VIII, v. 370. Мо-
 жетъ быть, философъ разумѣлъ Протея, какъ рассказываетъ о немъ сатириче-
 ская басня Эсхила. Фетида, обреченная судьбою выдти замужъ за смертнаго,
 какъ скоро приближался къ ней Пелей, принимала различные образы, чтобы
 избѣжать связи съ нимъ. Pindar. Nem. V, 60 sqq. Apollodor. III, 13, 5. Ovid.
 Metam. XI, 221. О брачной связи Пелея и Фетиды подробно рассказываетъ
 Исидоръ.

³ Все это мѣсто хорошо объясняетъ Ruhnkenius (ad Tim. l. c.) и говоритъ
 какъ о нищенствующихъ жрецахъ, опредѣляя по этому поводу значеніе сло-
 ва *ἑσπίρειν*, такъ и о томъ трагикѣ, котораго затрогиваетъ здѣсь Платонъ,
 хотя догадка его касательно послѣдняго предмета кажется неудачною. Рун-
 кеній приписываетъ этотъ стихъ Софоклу, къ которому Платонъ, по изслѣ-
 дованію Валькенара (ad Phoeniss. v. 1628), вѣроятно, былъ несправедливъ.
 Впрочемъ Бэксъ (ad Legg. p. 128 и de Graecae tragoediae princip. p. 182)
 рѣшительно опровергаетъ мнѣніе Валькенара о нерасположеніи Платона къ
 Софоклу; а Валькенаръ приведенный стихъ усволяетъ скорѣе Эврипиду или
 Эсхилу, чѣмъ Софоклу.

многочисленныхъ примѣровъ лжи, и пусть предубѣжденные такими разсказами матери не пугаютъ своихъ дѣтей нелѣпыми баснями, будто какіе-нибудь боги бродятъ ночью подъ различными образами странниковъ, — чтобы чрезъ это не приносить хулы на боговъ и вмѣстѣ не располагать своихъ дѣтей къ боязливости. — Да, пусть этого не будетъ, сказалъ онъ. — Но не такъ ли бываетъ, спросилъ я, что сами-то боги могутъ не измѣняться, а только насъ обманываютъ и очаровываютъ, заставляя представлять ихъ въ различныхъ видахъ? — Можетъ быть, отвѣчалъ онъ. — Что жъ? продолжалъ 382. я; значить, богъ хочетъ лгать, когда на словахъ или на дѣлѣ представляетъ призракъ? — Не знаю, сказалъ онъ. — Ты не знаешь, примолвилъ я, что истинную-то ложь, если можно такъ сказать, ненавидятъ всѣ боги и люди? — Какъ это говоришь ты? спросилъ онъ. — Такъ, отвѣчалъ я, что высшею своею частію и о высшихъ предметахъ никто произвольно солгать не захочетъ; тутъ всякій особенно боится сдѣлаться лгуномъ. — И теперъ еще не понимаю, сказалъ онъ. — Ты вѣрно полагаешь, что въ моихъ словахъ скрывается что-нибудь чрезвычайное, продолжалъ я: а у меня мысль та, что ложь отъ души и обманъ касательно сущаго есть невѣденіе, и что, какъ лгать душею, такъ и поддаваться обману, всѣ наименѣе согласны; всѣмъ это, и въ этомъ отношеніи, особенно ненавистно. — И очень-таки, сказалъ онъ. — Но незнаніе въ душѣ, касательно оболганнаго предмета, ужъ конечно по всей справедливости, какъ я сейчасъ сказалъ, можно назвать истинною ложью; потому что ложь въ словахъ-то есть уже нѣкоторое подражаніе качеству души, — это образъ, составившійся послѣ, а не чистая ложь ¹. Или не такъ? — Безъ

¹ Сократъ различаетъ два вида лжи: ложь мысли и ложь слова, и говорить, что лгать на словахъ мы можемъ сознательно, то-есть можемъ лгать зная, что говоримъ ложь, и желая, чтобы другіе сознаваемую нами ложь принимали за истинну. Въ такой лжи мысль, или душа сама въ себѣ, еще не лжетъ. Въ чемъ же состоитъ ложь мысли? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, прежде всего надобно замѣтить, что душа добровольно никогда не лжетъ и не терпитъ въ себѣ лжи; потому что это противорѣчить ея сознанию, по-

сомнѣнія. — Такъ истинная ложь ненавистна нетолько богамъ, но и людямъ.— Кажется. — Что же теперъ? ложь въ словахъ—когда и кчему полезна, если не бываетъ достойною ненависти? Не пользуется ли она противъ непріятелей, и не служитъ ли какбы полезнымъ лекарствомъ для удержанія такъ называемыхъ друзей, когда они въ сумасшествіи или безуміи рѣшаются на что-нибудь худое? Не допускаемъ ли мы ее съ пользою и въ тѣхъ баснословіяхъ, о которыхъ недавно говорили, поколику, то-есть, не зная, что сказать истиннаго касательно древнихъ, мы истиннѣ большею частію уподобляемъ ложь?—Это и дѣйствительно бываетъ, отвѣчалъ онъ.—Такъ для которой же изъ показанныхъ цѣлей Богу полезна ложь? Для того ли могъ бы онъ лгать, что, не зная древности, сталъ бы поддѣлываться подъ истину?—Это было бы смѣшно, сказалъ онъ.—Стало-быть, въ Богѣ нѣтъ лживаго поэта¹.—Мнѣ кажется.—Но

Е. можетъ быть, онъ лжетъ, боясь непріятелей? — Далеко не то.—Такъ ради безумія и сумасшествія своихъ ближнихъ?— Да вѣдь между друзьями Бога, сказалъ онъ, нѣтъ безумныхъ и сумасшедшихъ.—Значить, нѣтъ и цѣли, для которой Богъ хотѣлъ бы лгать.—Да, нѣтъ.—Поэтому духовное (τὸ δαιμόνιον) и божественное вовсе чуждо лжи.—Совершенно,

стоянно направленному къ истинѣ. Между тѣмъ, на дѣлѣ всякій человѣкъ болѣе или менѣе ложь. Какимъ же образомъ, не терпя лжи, онъ однакожъ лжетъ?—Ложь его есть не ложь, а заблужденіе или незнаніе. Когда говорится о лжи въ мысляхъ, тогда человѣкъ не знаетъ, что лжетъ, пока не вразумятъ его и не докажутъ, что мысли его ложны. Поэтому ложь въ словахъ, если она бываетъ направлена къ хорошей цѣли, иногда можетъ быть даже полезна; а ложь въ мысляхъ всегда пагубна.

¹ Πολιτὴς μὲν ἕρα ψευδῆς ἐν θεῷ οὐκ ἔστι. Нѣкоторымъ критикамъ Платона эти слова кажутся странными, даже недѣльными, а потому критики различнымъ образомъ измѣняютъ ихъ. Но я нетолько не вижу здѣсь ничего страннаго, а еще усматриваю ловко и остроумно выраженную связь этой мысли съ прежними положеніями. Сократъ прежде говорилъ, что Бога добраго нельзя считать причиною золь; поэтому о богахъ нельзя говорить ничего худаго или приписывать имъ зло. Все, что говорили о нихъ поэты несообразнаго съ доброю ихъ природою, была ложь мысли, или незнаніе божественной природы. Но Богу незнаніе себя несвойственно; слѣдовательно, онъ не можетъ говорить о себѣ ложь, — въ немъ нѣтъ лживаго поэта.

сказалъ онъ. — Слѣдовательно, ясно, что Богъ есть существо простое и истинное въ словѣ и на дѣлѣ; что онъ и самъ не измѣняется и другихъ не обманываетъ — ни призраками, ни словами, ни дивными знаменіями, ни на-яву, ни во-снѣ ¹. — Мнѣ и самому кажется такъ, какъ ты говоришь, примолвилъ онъ. — Значить, ты соглашаешься и на второй типъ, заключилъ я, — на тотъ, сообразно съ которымъ надобно и говорить и показывать на дѣлѣ, что боги, не будучи волшебниками, и себя не измѣняютъ, и насъ не вводятъ въ обманъ, ни словомъ ни дѣломъ? — Соглашаюсь. — Поэтому, хваля многое у Омира, мы не похвалимъ однакожь того сновидѣнія ², какое Зевсъ послалъ Агамемнону, не одобримъ и Эсхила, у котораго Тетида говоритъ, что Аполлонъ, поя пѣсни во время ея брака ³,

383.

В.

Предсказывалъ судьбу ея дѣтей ⁴,
 И общалъ имъ жизнь безъ болей вѣковую.
 Его священный гимнъ питалъ во мнѣ восторгъ,
 Когда прорекъ онъ мой богамъ пріятный жребій.
 Я думала, что лжи никакъ не можетъ быть
 Въ пророческихъ устахъ божественнаго Феба ⁵.

¹ Οὐδ' ἴπαρ οὐτ' ἄναρ — пословица, совершенно соответствующая нашему нарѣчію *никогда*. Поэтому къ Богу прилагаются здѣсь эти слова не въ собственномъ ихъ значеніи, какъ будто бы, то-есть, Богъ иногда бодрствуетъ, а иногда спитъ. Значеніе пословицы подробно объясняютъ *Valcken.* ad *Ammon.* III, 15. *Dorvill.* ad *Charit.* p. 291.

² Здѣсь указывается на начало II кн. Илиады.

³ Эти стихи, въ которыхъ Тетида жалуется на Аполлона, взяты Платономъ изъ Эсхиловой *ψυχραταία*. См. *Wittenbach.* ad *Select. Princip. Histor.* p. 388. Они приводятся и *Плутархомъ*, *De legend. Poet.* p. 16 E. *Euseb.* *Praeparat. Ev.* XIII, 3. О присутствованіи Аполлона на свадьбѣ Пелея говорить и *Омиръ* *Iliad.* XXIV, 26 sqq. Впрочемъ надобно замѣтить, что первые два стиха — больше произведеніе самого философа, чѣмъ поэта, что показываетъ и значеніе глагола *ἐνδοκτεῖσθαι*, который собственно значить *дѣлать*, потомъ *по частямъ прославлять*, а отсюда *величатся* въ хорошую и худую сторону.

⁴ *Жизнь вѣковую*—*μικραίωνας βίους*, у Евсевія *μικροίωνος βίου*. Та же форма встрѣчается и у *Софокла*, *Oed.* v. 518.

⁵ *Aeschyl.* *Prom.* v. 1032., *Choephor.* v. 555, и самъ *Платонъ*, *Apol. Socr.* p. 21 В.

А онъ самъ воспѣвалъ, самъ за трапезой былъ,
Самъ это высказалъ, и самъ потомъ убилъ
Мое дитя.....

С. Кто говоритъ о богахъ подобныя вещи, на того мы будемъ сердиться и не дадимъ ему составлять сказки, а учителямъ не позволимъ пользоваться ими при воспитаніи дѣтей, если хотимъ, чтобы стражи у насъ чтили боговъ и были божественны, сколько это возможно для человѣка. — Я совершенно согласенъ принять эти типы, сказалъ онъ, и готовъ руководствоваться ими, какъ законами.—

~~~~~